

Ю Р И Й В

Я

З

Е

М

С

К

И

Й

БЕСОВ НОС

...НАСТОЯЩЕЕ ЗДЕСЬ
ПЕРЕХОДИТ В ПРОШЛОЕ.

Евгений Водолазкин

МОЛОТ
ТОРА

Юрий Павлович Вяземский

Молот Тора

Серия «Бесов нос: Юрий Вяземский», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65285762
Молот Тора: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-122694-7

Аннотация

Рыбалка – прекрасное место не только для отдыха, но и для неформальной встречи людей с разными интересами. И порой не знаешь, к чему такая встреча может привести. А когда беседа на природе оборачивается возможностью в непринужденной обстановке не только узнать мнение другого человека, но и окунуться в прошлое, и это прошлое, возможно, дает тебе ответы на насущные вопросы – вдвойне полезнее.

Прошлое и настоящее, современность и скандинавский эпос. Что ждет нас впереди?..

«Молот Тора» – это продолжение цикла «Бесов нос».

Содержание

Утро телеведущего	6
Сага о Хельги	24
1	24
2	25
3	27
4	30
5	32
6	33
7	35
8	36
9	37
10	39
11	41
12	42
13	43
14	44
15	45
16	47
17	49
Отправились	51
Хельгисага (18–31)	66
18	66
19	68

20	69
21	70
22	71
23	73
24	75
25	77
26	80
27	81
28	84
29	87
30	88
31	89
Житие Руси	93
Хельгисага (32–44)	126
32	126
33	128
34	131
35	133
36	135
37	137
38	140
39, 40, 41, 42	143
43	144
44	145
Смертельный диагноз	146
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Юрий Вяземский

Молот Тора

© Вяземский Ю., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Утро телеведущего

Телеведущий Александр Труль проснулся раньше других.

Он спустил ноги с постели, сел, оглядел дощатую стену, отыскал в ней щербинку между досками и стал размышлять.

Два или три года подряд областной губернатор лично и через своих помощников приглашал его порыбачить на Ладоге. И вот, когда в его чрезвычайно плотном графике образовался удобный просвет и Саша наконец смог принять приглашение, губернатора на рыболовной базе не оказалось – его якобы сняли с должности. Не встретил Ведущего и хозяин базы – он накануне куда-то уехал с другим персоналом. Хотя неделю назад звонил Александру, восхищался оказанной ему «неслыханной честью» и обещал «лучшую в мире рыбалку».

Труля принял то ли карел, то ли вепс – коротконогое, смуглолицее существо со сплюснутым носом и безгубым ртом, в красной шапочке на макушке. Он объявил себя «драйвером» и просил называть Петровичем. Он как бы единственный, кто остался на базе, а потому и егерь, и повар, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Услужливый – иногда почти лакейски. Поразительно догадливый. Но при всей своей услужливости и догадливости было в нем нечто нарочитое – актеры называют это наигрышем. Причем наигрывал он то

ли колдуна, то ли тролля, на которого был похож с его ярко-зелеными и иногда желтеющими глазами.

«Лучшая в мире рыбалка» на деле оказалась вполне заурядной. Поймали четырех с трудом зачетных лососей. Воблеры допотопные. Эхолотом Петрович не пользовался.

К тому же напарниками Александра оказались два мало пригодных для рыбалки субъекта.

Первого звали Андрей Владимирович Сенявин. Университетский профессор истории. Высокий, широкоплечий, представительный, с богатой шевелюрой, густыми усами и в ухоженной бороде с аристократической проседью. Внешне похож то ли на какого-то писателя-классика, то ли на самодовольного попа. Но с постоянно недовольным лицом; он даже когда хотел улыбнуться, как бы выдавливал из себя улыбку. И при всей своей вальяжности – прямо-таки олицетворение Адлерова комплекса: внешнее превосходство и внутренняя неполноценность. То есть соткан из противоречий. Во всем. Вплоть до мелочей. Ругает всех и вся. Особенно ругал телевидение. Но при этом бросалось в глаза, что он перед Сашей старался, чтобы его внимание на себя обратить. И к тому же похож на сильно пьющего человека. Тот еще фрукт.

Второй напарник – вообще полное недоразумение. На рыбалке как будто впервые – подсачеком лосося от мотора отгонял! К тому же совершенно больной – кашляет и мучается радикулитом. Он ходит-то с трудом, а когда в лодку садится или из нее выбирается – совсем душераздирающее зрелище!

С какого перепугу он на рыбалке нарисовался?! Лет ему не меньше шестидесяти. Похож на католического монаха с тонзурой. И еще больше похож на сутулого шимпанзе. Вернее, на помесь шимпанзе и мастифа с обвисшими брелями. Испанского. Нет, скорее, английского. Если такое можно себе представить! Когда с тобой разговаривает, смотрит куда-то мимо тебя. Может начать возражать минут через пять, через десять после того, как ты высказал свою мысль и когда разговор давно поменял тему. Часто говорит косноязычно, как бы выдавливая из себя слова. А иногда, наоборот, мало-разборчиво тараторит. Несколько странных заявлений вчера сделал. Зовут его Дмитрий Аркадьевич Соколыцев. Но он просил называть его Митей.

Припомнив и как бы проговорив всё это внутри себя, Александр отыскал глазами гладкую вагонку, нашел на ней самое чистое место и сосредоточил на ней взгляд. Губы Телеведущего тронула безмятежная улыбка, глаза наполнились радостным светом, ноздри чуть подрагивали при вдохе и при выдохе, будто лаская проходящий воздух. И скоро мысли у Александра потекли в следующем направлении:

А ведь хорошо, что не приехал губернатор со своей свитой. В свете той задачи, которую перед Александром поставили «за зубцами», ему сам бог велел сначала хорошенько расслабиться, а затем спокойно сосредоточиться, нащупать возможные варианты и выбрать из них наиболее перспективный.

Драйвер Петрович, хоть и скomorох, и косит под тролля, Сашу ничуть не раздражает. Забавный человечек. И в чем-то действительно загадочный. Догадаться, что он, Александр, любит «Чивас ригал», разбавленный молоком, – ну, этому еще можно, наверное, найти какое-то реалистическое объяснение. Но как объяснить те фокусы, которые Петрович вчера выкидывал с поклевками? Он заранее предсказал, на какой из многочисленных спиннингов клюнет. И несколько раз это сделал. Оно, конечно, хороший егерь всегда должен предчувствовать. Но не настолько же!.. Можно попробовать расспросить этого копперфильда, как он это делает. Вдруг поделится...

Теперь о Профессоре. При всех его комплексах он интересен как тип, как образчик нынешних университетских оппозиционных интеллектуалов, которые прежде всего к самим себе в оппозиции. Его – или таких, как он, – уже в качестве примера можно будет использовать... И тем более любопытна его теория «девятимерного человека», «девятикомнатного» культурного здания, с подробным экскурсом в русскую историю – да, циничным, но, черт побери, оригинальным! Из тех «лекций», которые он вчера весь день читал, можно с десяток передач сделать... Неплохо бы выяснить: его и вправду выгнали из университета за его лекции...

С Профессором ясно. И совсем не ясно с этим Митей, или Соколыцевым. Жалким и смешным этот кашляющий и страдающий радикулитом человечек казался Саше во время ры-

балки. А после того, как они поднялись на скалу к рисунку беса (или кто там нарисован на камне?), Митя перестал казаться жалким. Оказалось, что он знает много языков, и чувствовалось, что он ими и вправду владеет. Он несколько раз со знанием дела поправил Профессора, когда тот принялся рассуждать о викингах, о Рюрике и так далее, и так далее. Профессор на Митю окрысился и стал задавать ему разные провокационные вопросы: например, о том, какие книги он перевел, раз позиционирует себя переводчиком. А Митя его остроумно отшил, заявив, что переводит «рукописи, которые не написаны». Профессор стушевался.

За ужином Митя еще сильнее разозлил Профессора и еще больше удивил Александра. Он, до этого казавшийся косноязычным, красочно и в лицах пересказал одну историю. Про то, как в очереди к поясу Богородицы среди других обычных людей оказался чуть ли не Иоанн Богослов, которой подверг критике всё нынешнее русское православие.

Но самое удивительное, что чем дальше, тем больше этот странный Митя стал к себе как бы притягивать его, Александра. Так иногда тянет к человеку, которого когда-то хорошо знал, а потом долго не видел и не сразу узнал, когда снова встретил, но почти тут же стало тянуть...

Улыбка на лице Ведущего в этот момент достигла нужной степени солнечности. Медитацию можно было прекратить.

Совершив необходимый утренний туалет, Трулль пере-

оделся в спортивный костюм и вышел из длинного дома.

Сашу ослепило солнце, выползавшее из мохнатой тучи над горизонтом.

– Выплевывает, как я говорил, – откуда-то сбоку раздался голос.

Трулль посмотрел в ту сторону и с трудом различил фигуру Драйвера.

– Помнишь, вчера вечером ящер заглотнул солнце. А теперь, это самое, выпускает, – сообщил Петрович.

Туча и вправду напоминала какое-то длинное и плоское животное, как бы с хвостом и с раскрытой пастью, из которой только что выползло слепящее солнце.

Саша зажмурился, переждал некоторое время, а потом глянул в сторону Петровича. И увидел, что тот сидит на корточках, у его ног стоит миска, из которой он вынимает кусочки мяса и кормит ими... волка!

Трулль еще раз зажмурился. А когда снова открыл глаза, увидел, что животное еще больше стало похоже на волка.

– Волк тоже человек. Тоже жрать хочет, – пояснил Петрович и добавил: – Я тебе овсянку без молока сделаю. Как ты любишь.

«Он и это знает», – удивленно подумал Ведущий. И возразил:

– На этот раз обознался, Толян. Я как раз с молоком люблю.

– Не любишь. Не сочиняй. Не надо лохматить карела – из-

рек Петрович, не глядя в сторону Саши. На него глянул волк и, как померещилось Труллю, усмехнулся.

Ворота стали медленно открываться. Саша прошел в них.

«У него, наверное, в руке или в кармане пульт. И он им незаметно управляет», – объяснил себе Александр.

За воротами солнце слепило еще сильнее. Под солнцем разноцветными блестками искрился туман, тонким ворсистым как бы одеялом накрывший озеро. А справа, в той стороне, где лежал поселок, с неба до земли воздвиглась туманная стена – плотная, серая и чуть желтоватая. Кажется, сквозь нее не только что-нибудь разглядеть – пройти не удастся.

И только Ведущему так подумалось, из этой стены выбежал мальчишка лет десяти, за ним – гладкошерстая черная такса. Мальчишка был в белых трусах, а сам весь черный: ноги, тело, руки, даже лицо.

«Где ж ты так вымазался?!» – удивился Саша, глядя на мальчишку. Тот, похоже, испугался и нырнул обратно в туман. А такса сперва коротко и злобно облаяла Трулля, затем устремилась следом за мальчишкой. Саша успел заметить, что к ее задним лапкам привязана доска с двумя колесиками по бокам, и эдак, перебирая передними лапками, собачонка передвигается.

Как только мальчонка и такса растворились в тумане, отсюда, из-за занавеса, прозвучали удары колокола. А со сто-

роны базы, из-за успевших закрыться ворот, раздался странный свист – будто кто-то громко свистел, выбирая промежутки между ударами колокола.

Труль пробежал в сторону холма и скалы с бесом – там не было тумана.

Еще накануне Александр приглядел себе место для утренней тренировки – широкую площадку с поваленной сосной.

Не добежав до нее, Труль остановился. С одним из росших вдоль дороги высоких кустов творилось нечто странное: его верхушка искрилась каким-то мигающим, почти электрическим светом. Приглядевшись, Саша понял, в чем дело: множество маленьких птичек, похожих на воробьев, порхали возле веток, взлетая и опускаясь, трепеща и сверкая на солнце крылышками. Огненным роем птицы взметнулись в высоту, когда Труль совсем к ним приблизился.

На поляне Александр приступил к упражнениям. Он старался их делать каждое утро, когда это было возможно. Начал он с прыжков в длину, сначала коротких, потом все длиннее и длиннее. Сперва – только вперед. Потом – назад. Затем стал прыгать вправо и влево, будто уклоняясь от удара.

Покончив с прыжками в длину, стал прыгать в высоту, перемещаясь по кругу поляны. Опять-таки сначала подпрыгивая невысоко, а затем всё выше и выше взлетая. С какого-то момента он начал в прыжке поджимать под себя ноги. Потом, поджав ноги к животу, обхватывал их и на мгновение

как бы зависал в воздухе. И наконец, высоко взлетев над землей, быстро подобрал ноги и перебросил их себе за голову, совершив акробатический кульбит и ловко приземлившись. Таких сальто он проделал шесть штук – три раза поочередно вперед и назад. И сел отдохнуть на пенек.

К солнцу и озеру Саша повернулся спиной и перед собой, над деревьями, увидел яркую радугу. Она выростала из болота, бывшего за деревьями, и в нижней части ее цвета словно наплывали друг на друга – будто краски намокли и слегка растеклись. А наверху – искрились четким и сухим своим семицветьем.

Тут померещилось Труллю, что в средней части этой диковинной радуги снизу вверх движется нечто похожее на коня и на всадника.

«Похоже, я переборщил с прыжками», – сказал себе Александр и закрыл глаза. А когда снова открыл их, никто уже не скакал по небесному мосту.

Еще немного передохнув, Саша стал бегать взад и вперед по поваленной сосне, ступнями избегая сучков и телом уворачиваясь от редких засохших веток, с каждым разом убыстряя движения.

Затем соскочил с сосны, подбежал к скалистому выступу и стал карабкаться вверх, умело и ловко, как это делают скалолазы.

Однако на полпути Александр остановился. Послышалось ему, что на вершине скалы кто-то вдруг засмеялся, а потом

два или три голоса разом заговорили. Слов Трулль не мог разобрать. И показалось ему, что не по-русски они разговаривали.

«Мне еще зрителей не хватало!» – подумал Трулль и прыгнул вниз со скалы, перевернувшись и развернувшись в воздухе, как кошки умеют.

И побежал в сторону базы.

Ворота раскрылись, когда Трулль к ним приблизился, и закрылись, как только он ступил на территорию базы.

Войдя в прихожую-мастерскую длинного дома, Александр услышал, как в зале дискантом кричит Профессор. Фраз целиком не было слышно – до Саши долетали лишь отдельные слова: «безобразие!», «издевательство!», «не позволю!».

Трулль принялся изучать токарный станок – дабы не растерять выработанный «солнечный настрой» и подготовиться к «конфликтной обстановке».

Но «обстановка» сама выбежала в мастерскую и угрожающе надвинулась на Александра.

– Всё! Лопнуло мое терпение! Больше не намерен сносить издевательства! Не позволю! Шут гороховый! Специально устроил, а теперь несет околесицу! – уже не дискантом, а треснутым баритоном выкрикивал Профессор, глядя на Трулля. Шевелюра взлохмачена, глаза красные, усы торчком, борода помятая. К тому же от Сенявина заметно тянуло

перегаром.

Прорычал и выбежал во двор.

Труль укориженно покачал головой и вошел в зал.

Там за длинным столом, задумчиво теребя пальцами столешницу, сидел Митя. Рядом с ним стоял и моргал зелеными глазами драйвер Петрович.

– Что тут у вас стряслось? – лучисто улыбаясь, спросил Александр.

Митя в ответ закашлялся.

Петрович выждал, когда тот кончит кашлять, и пояснил:

– Ну, выпил вчера человек. С трудной ноги встал. Опять-таки не выспался.

Митя снова ненадолго зашелся кашлем. А когда приступ окончился, Петрович продолжал:

– Накинулся на меня. И несколько раз даже матом выразился. Но тут Аркадич вышел, и он, то есть Профессор, это самое, нет, не угомонился, но матюгами перестал оклеивать.

Петрович говорил вроде бы виновато, но глаза его радостно поблескивали.

– Так что же все-таки произошло? – повторил вопрос Труль.

– Как я предупреждал, так и произошло, – уже не виновато, а чуть ли не торжественно объявил Петрович.

– О чем ты предупреждал, я, думаешь, помню?

– О том, что, судя по знакам, Мирошка ночью заявится, полюбовницу приведет и над головой у Профессора, ну, так

сказать... Мирошка! Так домового зовут. У них, между прочим, тоже любовь случается. И они, не вопрос, сильно скрипят половицами... А тут еще в самый разгар Мирошкина супружница нарисовалась. Ну и, сам понимаешь, как весело стало внизу Профессору!.. Я ведь вчера по-взрослому предупреждал. А он: мне, типа, по барабану... Ну, барабан и накликал на свою бедную голову.

– А если серьезно? Без домовых? – настаивал Труль.

– Без домовых, конечно, было бы тихо. Но тут, видишь ли... Он, говорит, полез на чердак, чтобы навести там порядок. Но дверь-то я запер. И потом, даже если б вошел, он бы никого не увидел... Меня надо было вызвать!

На этих словах Петровича в зал вбежал Профессор. Похоже, он подслушивал в прихожей.

– Его вызвать! – гневно вскричал Сенявин. – Я вас повсюду искал! Но вы как сквозь землю провалились.

Петрович виновато захлопал глазами:

– Ну да, провалился... Мне ведь тоже надо поспать.

– Поспать ему надо! А другим людям не надо?!

– Свистнули бы. Я когда засыпаю, меня из пушки не разбудишь. Но свист всегда слышу. Даже слабый.

И Петрович легонько свистнул.

У Профессора одна бровь будто скакнула на середину лба. И, глядя на Труля, Сенявин визгливо воскликнул:

– Опять издевается! Шута из себя строит и нас всех в шутов превращает. Пустил, понимаешь, какую-то пьяную ком-

панию безобразничать над моей головой. А теперь про домовых нам рассказывает... Погодите! Я вам таких домовых покажу!

Профессор снова выбежал из зала.

Оставшиеся в зале некоторое время молчали.

Первым нарушил молчание Драйвер:

– Когда успокоится, будем спокойно завтракать. Немного придется подождать.

– Не думаю, что скоро успокоится, – улыбчиво усомнился Труль.

– Уймется, куда он, бедняга, денется. Хоть к бабке не ходи, – уверенно пообещал Петрович и неожиданно строгим тоном велел Александру:

– Давай, рассказывай, что ты сегодня слышал.

– О чем ты? – не понял вопроса Труль.

– После того как вышел за ворота, что слышал?

– Не слышал, а видел. Видел довольно странную таксу, у которой вместо задних лап – колесики. И потом, на скале, к которой ты нас вчера водил...

– Погоди со скалой, – недовольно перебил Петрович. – Когда вышел за ворота, какие звуки слышал?

– Слышал, как в поселке звонил колокол. А между его ударами кто-то посвистывал на базе... Ты свистел?

– Вот видишь, как интересно бывает! – воскликнул Драйвер и подмигнул, но не Трулю, а Мите: – Я и не думал свистеть. И нет никакого колокола... А у Бесова Носа что слы-

шал?

– Там какие-то иностранцы забрались на холм и переговаривались между собой, – сообщил Трулль.

– Ну, Сань, ты даешь! Ты сам прикинь, какие в такую рань могут быть иностранцы? И как может звонить колокол, когда его нет и в поселке, и во всей ближайшей округе? Понятно?

– Не очень, – признался Трулль и ласково попросил: – Может, прекратишь дурачиться и объяснишь, какого ляда ты меня сейчас троллишь.

– Да я, так сказать, интересуюсь, что тебе предъявили. А ты, значит, слышать-то слышишь, но объяснить не можешь.

– А ты можешь? – усмехнувшись, спросил Трулль.

– Могу. Объясняю... – начал Петрович. Но его перебил снова появившийся в зале Профессор:

– Он всё может! И всё объяснит! Но сделать так, чтобы человек мог спокойно заснуть и ему не мешали!.. И тысячу объяснений: то лаком везде пахнет, то домовые над головой!.. – И без паузы: – Когда первая электричка на Питер?

Драйвер моргал и молчал.

– Вы слышали, что я спросил?! – гневно воскликнул Профессор.

Петрович весь съежился и будто стал еще меньше ростом:

– Минут через десять-пятнадцать... Не успеете...

– А следующая?

– Следующая... это самое... Надо посмотреть... На память затрудняюсь... – испуганно бормотал Драйвер.

– Ну так смотрите, черт вас побери! А я пойду собираться. Ноги моей здесь больше не будет!

Профессор снова выбежал.

Трулль проводил его сочувственным взглядом, поправил золотистую прядь, которая была у него с левой стороны и чуть прикрыла ему глаз, лучисто улыбнулся и сказал:

– Ну и как там у нас с колоколом и... со свистом? Ты обещал объяснить.

– Это проще простого, – радостно объявил Петрович. – Тут, за речкой, болото. Трясина в нем то оседает, то поднимается на поверхность. Иногда разом – вернее, частями – оседает и поднимается. И вот, когда поднимается, как бы колокол звонит, а когда оседает – свистит. Как-то так.

– А на скале кто... трындел?

– У нас это называют *разговорами карликов*. Они, типа, любят прятаться за камнями и оттуда людей подслушивают и повторяют. Но ты, по ходу, молчал. И они от нечего делать начали друг друга передразнивать. Давай так скажем.

– Сказать-то можно, Толян, – ласково возразил Александр. – Но у телезрителей может возникнуть вопрос: откуда тебе, Петрович, всё известно: про домовых, про трясину, про карликов?

Драйвер ему запросто ответил:

– Я вчера в бане Аркадичу докладывал. Он тебе не успел? Меня, Санечка, в детстве карлики украли. Они, так сказать, завидуют нашему высокому росту и женятся на наших жен-

щинах или похищают у них детей. А своих собственных подкидывают людям, чтобы те кормили их своим молоком. Вот и меня строллили. А мамаше моей всучили подкидыша, маленького и сморщенного. И пока она, это самое, не сообразила, как меня обратно вернуть, я у этих карликов тусовался и как бы постигал их науку.

– И как тебя обратно вернули, чудо мое?

– Как-как... Нашлись хорошие люди. Обучили. Мамаша натерла жиром пяточки у подкидыша, поднесла их так близко к огню, что он заорал благим матом. Карлики этот вопль услышали. Ну и, как говорится, своя-то рубашка, своя-то кровиночка... Короче, прибежали и выменяли обратно... Как-то так, говорят, было. Сам-то я не очень хорошо помню.

К сказанному Петрович что-то прибавил на своем угорском наречии.

– Будь ласка, переведи, – попросил его Александр.

– Что перевести?

– То, что сейчас сказал на своем лягушачьем.

– Я, Сань, как бы молчал. Это тебе показалось, – удивленно ответил Драйвер, моргая зелеными глазами.

И снова заговорил на карельском. Но Труль теперь смотрел на него и видел, что губы его не двигаются.

А следом за этим кто-то на чужом, непонятном языке стал отвечать Петровичу как бы с порога прихожей. Но когда Александр посмотрел в ту сторону, то никого не увидел.

«Чертовщина какая-то! – подумал Труль. – Я явно пере-

старался с зарядкой».

– Давай, Саша, принимай душ, переодевайся, – велел Петрович. – А я буду накрывать на стол. А то Профессор придет завтракать, и всем нам опять достанется!

«Размечтался! Профессор к нему завтракать придет!» – подумал Труль.

– Сегодня четверг. Утренняя уже ушла. А следующая только к вечеру. Не вопрос, – сообщил Драйвер, будто прочел Сашины мысли.

Телеведущий покачал головой и пошел приводить себя в порядок.

Когда Александр вышел к завтраку, Профессор сидел за столом. Перед ним стояла яичница-глазунья. Он на нее тупо смотрел (именно каким-то *тупым* взглядом) и отправлял в рот маленькие кусочки хлеба, которые отламывал от большого ломтя.

Митя ел манную кашу, роняя сгустки на стол и один раз – себе на рубашку.

Трулю Петрович подал овсянку. Александр сел рядом с Митей.

Помолчали.

Первым нарушил молчание Драйвер. Подкравшись сзади к Сенявину, он игриво спросил:

– А не прикажете ли водочки подать? Всего одну рюмочку. Холодненькую. Запотевшую!

Профессор, совсем теперь не похожий на Тургенева, не оборачиваясь, сделал лицо, похожее на... «Такое лицо я видел, кажется, у Брейгеля Старшего», – вспомнилось вдруг Трулю.

– Понял-понял. Сегодня постимся. Понял-понял, – зататорил Драйвер.

Сенявин ему не ответил.

А Митя обернулся к Александру и сообщил:

– Вы мне сегодня приснились. Мы с вами восходили на какую-то большую и очень высокую гору... Я сначала вас не узнал. Но потом понял, что это точно вы.

– Ну, раз *точно я*, тогда *не вопрос*, как говорит Петрович, – ответил Труль и солнечно улыбнулся Сокольцеву.

Сага о Хельги

1

Хельги сын Авальда был из рода ярлов. Ярлами были его отец, его дед, его прадед и прапрадед. Сами они утверждали, что до них было еще десять ярлов и прапрадед был одиннадцатым по счету, прадед – двенадцатым, а дед тринадцатым. Но знающие люди возражали, что эти десять предшествующих предков жили в век сожжений, а потому о них трудно утверждать что-либо достоверное.

Доподлинно известно, что конунгами Авальды никогда не были, что их родовое гнездо было в Авальдснесе в северо-западной части Рогаланда и что старший сын в семье всегда получал имя Авальд – так у них повелось. Они, чтобы не путаться, себя обычно по номерам называли: Авальд Одиннадцатый, Авальд Двенадцатый и так далее, а прозвища им присваивал народ. Другие же их родственники носили другие имена.

2

Все Авальды-ярлы были людьми красивыми, возвышались над войском и хорошо одевались.

Все были людьми богатыми, постоянно увеличивали свои богатства и расширяли свои владения. Про них говорили, что Авальды, дескать, богаче тех, кому они служат, то есть конунгов Рогаланда.

Все – и прапрадед, и прадед и дед, – были влиятельными правителями в своей области. У них был многочисленный двор, и своих дружинников они щедро одаривали, а те почитали за честь и за счастье служить Авальдам.

Авальды-ярлы и их люди были успешными воинами. При Авальде Одиннадцатом, Авальде Могучем, как раз начались походы северных людей в заморские страны. Его внук, Авальд Тринадцатый, или Справедливый, участвовал в нападении на Линдисфарн у берегов богатой Нортумбрии. У них были красивые боевые корабли, носы которых украшали головы различных птиц и животных. Всем троим выпала удача и досталась победа.

Воинами Авальды были искусными. Авальд Могучий, например, ставил своего сына – не другого Авальда, а третьего по счету, Эгвальда, – он ставил его, как рассказывают, под дерево с маленькой дощечкой на голове и сбивал эту дощечку стрелой, не причиняя ни малейшего вреда своему сыну.

В стрельбе, как известно, важна не только меткость, но и сила удара. Так вот, как рассказывают, Авальд Справедливый, внук Авальда Могучего и сын Авальда Богатого, мог пробить тупой стрелой слабо натянутую воловью шкуру – так туго он умел натягивать свой лук.

3

Часто бывает, что, когда ярлы добиваются влияния и богатства, они не довольствуются уже своим положением и начинают соперничать с конунгом, пытаясь отобрать у него власть. Ничего похожего, судя по всему, не было в помыслах Авальдов-ярлов. С давних времен они верой и правдой служили конунгам Рогаланда.

Когда конунг Рагвальд, не доверявший своим сыновьям, предложил Авальду Могучему жениться на его, конунга, дочери и стать после смерти Рагвальда его преемником, Авальд, как рассказывают, так отвечал:

– Предки мои были ярлами. И я не желаю носить более высокого звания, чем они. Я прошу у вас, конунг, чтобы вы позволили мне быть самым большим мужем с этим званием в вашей стране.

Все три Авальда, о которых идет речь, строго следовали клятве, данной своему правителю.

Все трое брали на свое содержание, как принято, лишь треть налогов и сборов, а остальное честно отсылали конунгу.

Все трое поставляли конунгу в его войско положенные шестьдесят воинов, и это были самые храбрые и опытные из их людей.

Конунги Рогаланда не любили плавать в дальние походы.

Вместо них со своими людьми плавали Авальды, добывая богатство не только для себя, но и для своих правителей.

Самые щедрые и богатые пиры Авальды устраивали для конунгов, когда те их посещали.

Чем дальше, тем больше рогаландские конунги доверяли Авальдам. Об этом можно судить хотя бы по тому, что если раньше, в век сожжений, двор конунга находился поблизости от Авальдснеса, на острове Кармэй, то уже, как рассказывают знающие люди, при Авальде Могучем конунг подарил этот остров Авальдам, а сам перебрался дальше на юг, в Санднес, доверив добрую четверть своей страны заботам Авальдов. Конунг же Эйрик Тетерев еще дальше на юг перенес свою резиденцию – в Нэрбу, поближе к Агдиру.

Мало того, Эйрик Тетерев доверил Авальду Справедливому воспитание своего старшего сына, Эйвинда по прозвищу Кривой Рот. И дед Хельги его заботливо воспитывал вместе со своим сыном Авальдом, чужому ребенку уделяя больше времени, чем своему родному и, к слову сказать, единственному отпрыску.

Доверительно относились конунги Рогаланда к ярлам из рода Авальдов. И это при том, что, в отличие от других ярлов, Авальды пользовались большим уважением у народа. Когда Авальд Одиннадцатый вставал, чтобы произнести речь перед народом, все бонды тут же поднимались на ноги. Еще большим уважением пользовался у людей Авальд Тринадцатый, который был искусным судьей и всегда заступался

за несправедливо обиженных, даже если их противниками были люди конунга Рогаланда. За это его и прозвали Авальдом Справедливым.

4

Авальд-прапрадед и Авальд-прадед женились по выбору их отцов – так было принято у них в роде. Авальд-дед тоже женился на женщине, которую подыскал ему его родитель, Авальд Богатый. Женщина эта, дочь соседнего улладаленского ярла, одну за другой родила четырех дочерей, а сына не родила ни одного. Как раз после рождения четвертой дочери с Авальдом Тринадцатым случилась история, о которой часто вспоминают.

Дело было так. Во время охоты на Бокнафьорде, заночевав в лесной сторожке, Авальд заметил под потолком ласточкино гнездо; сверху оно было выстлано как будто золотыми нитями. Авальд велел достать ему это гнездо и обнаружил: то, что он принял за золотые нити, на самом деле были женскими волосами, золотистыми, длиной в рост человека. В восхищении Авальд поклялся, что разыщет ту, которой принадлежат эти чудесные волосы. Он прервал охоту, принялся ездить по соседним хуторам и скоро отыскал девушку, у которой золотистые волосы, когда она их распускала, покрывали до пят все ее тело. Звали ее Астрид.

Авальд-дед развелся со своей прежней женой и женился на Астрид. Ярл Авальд Богатый сильно прогневался на сына за его поступок, потому что Астрид эта была дочерью даже не бонда, а наемного работника. Но именно она, Астрид с

Бокнафьорда, родила Авальду Тринадцатому долгожданного сына, который со временем стал Авальдом Четырнадцатым, отцом Хельги Авальдссона.

5

Еще больше ходило рассказов о том, как исполнили свою судьбу эти Авальды. Уж больно неожиданными были их кончины.

Авальд Одиннадцатый, по прозвищу Могучий, погиб от удара молнии. Случилось это в ясный солнечный день, когда на небе не было ни единого облачка. К тому же молнию эту никто не видел, слышали только шипение вокруг ярла, после чего одежда на нем вспыхнула, и сам он сначала посинел, а потом почернел.

Похоронили его в том месте, где это произошло. И с той поры над этим мысом часто возникало яркое свечение, которое будто сходило с небес.

Спустя множество зим конунг Харальд Прекрасноволосый, объединивший страну и назвавший ее Норвегией, однажды увидел это загадочное свечение и велел одному из своих сыновей, который был при нем: «Вот тут меня похороните, когда я умру». Так и было сделано.

А вот что случилось с Авальдом Богатым, прадедом Хельги. Из одного из своих походов он привез пару ретивых белых лошадей: жеребца и кобылу. Диковинные для рогов кони дали потомство. И Авальд стал им поклоняться. Он утверждал, что это кони валькирий, которые приносят победу во время войны, а в мирное время, как благодатные облака, дарят свежесть долинам и плодородие почвам.

Когда Авальд шел в поход на соседних мёрков, впереди его войска всегда выступал один из белых коней. Рассказывают, что конь так грозно и яростно ржал, что врага охватывал ужас, а некоторые сходили с ума и начинали биться сами с собой.

Авальдовых коней почитали, как почитают священных животных. Их не седлали и берегли, а на йоль одного из коней приносили в жертву Фрейру. Череп коня сажали на жердь и выставляли на восточной границе, чтобы мёрки страшились подвергнуться проклятию и не нападали. Вёльси – так назывался детородный член жеребца – на праздничном пире выносился к столу с луком и другими священными травами. Вёльси клался Авальду на колени, а все присутствующие творили молитвы и заклинания.

Уже было сказано, что годы при Авальде-прадеде были в большинстве своем урожайными, и люди прозвали своего

ярла Авальдом Богатым.

Как-то раз во время жертвоприношения коня откуда ни возьмись сзади на ярла налетела серая кобылица и толкнула его в огонь. Пока людям удалось вытащить ярла из ярко горящего костра, Авальд успел сильно обгореть и через несколько дней умер от ожогов.

Сын Авальда Богатого, Авальд Справедливый, умер на охоте от укуса змеи; она ужалила его прямо под сердце.

Рассказывают, что это произошло ранним утром, когда ярл встал с постели и дунул на рукоять меча. Дело в том, что в рукояти жила малая змея, которая делала раны от меча смертельными. Змею надо было время от времени выпускать на волю и давать ей пищу. Для этого надо было дунуть на рукоять. Но ни при каких обстоятельствах нельзя было оставлять рукоять меча долгое время на солнце. А Авальд, дескать, запамятовал, и меч накануне долго купался в солнечном свете.

Все соохотники ярла свидетельствовали, что это произошло в той самой хижине, в которой Авальд-ярл когда-то обнаружил ласточкино гнездо с золотистыми волосами своей будущей жены.

Авальда Справедливого похоронили в кургане на острове Кармэй, в том самом корабле с головой дракона, в котором он совершал свои дальние походы. Находятся, правда, люди, которые утверждают, что, страдая от змеиного яда, Авальд Тринадцатый сам лег в лодку на Бокнафьорде, поджег ее и, охваченный пламенем, поплыл по фьорду в сторону моря. Но это уже сущие небылицы, которым верят только наивные люди.

И еще больше толковали в народе о том, почему этих достойных людей постигли такие странные смерти.

..... /Текст местами испорчен – Прим. переводчика/

Одни говорили: он как-то велел побить камнями злобную колдунью, которая часто портила пастбища и выпасы. Как водится, на голову ей надели мешок. Но в мешке была дырка....

..... Меч с малой змеей в рукояти он привез с Линдисфарна, где ограбил из сжег монастырь. Чудесный меч ему якобы подарил какой-то пиктский колду.....

..... никто не сомневался в том, что у всех Авальдов были сильные *фюльгья*, духи-спутники, если не из рода асов, то уж наверняка из светлых альвов. А смерть им принесли, похоже, огненный воробей Локи, серый конь Фуллы и одна из нидхёгговых змеек.

Отец Хельги тоже носил имя Авальд. Он, Авальд Четырнадцатый, как уже сказано, был единственным сыном у своего отца и после его смерти заступил на его место, тоже став ярлом на северо-западе Рогаланда. Это произошло еще при Эйрике Тетереве. Но через две зимы Эйрик Тетерев умер, и конунгом Рогаланда стал его старший сын Эйвинд, тот самый, которого воспитывал ярл Авальд Тринадцатый, Авальд Справедливый.

В дальние походы Авальд Четырнадцатый не ходил, а с юных лет по поручению отца защищал берега Рогаланда от морских разбойников; они стали называть себя викингами, и их уже много развелось к тому времени. Авальд Младший и его люди не только наказывали грабителей, но отбирали у них награбленное. Добычу справедливо делили между собой. Так что многие почитали за удачу плавать с Авальдом Четырнадцатым, и к нему в дружину стремились попасть со всех концов Рогаланда, а также из соседних Хёрдаланда и даже из Агдира. Авальд Четырнадцатый был искусным воином, лучше других в зимнее время бегал на коньках, а летом постоянно упражнялся в метании копья, стрельбе из лука и владении мечом.

Хозяином он был тоже успешным. На острове Кармэй он первым обнаружил запасы меди и стал добывать этот нуж-

ный металл.

Он хорошо знал законы, был красноречивым и помогал бедным людям отстаивать свои права на тингах, за что его ценило даже больше людей, чем его отца, – ведь бедных людей намного больше, чем богатых. Еще до того, как он стал ярлом, его стали называть Авальдом Добрым.

Роста он был невысокого и, в отличие от прежних Авальдов-ярлов, над войском не выделялся. Красотой также не блистал. Но, когда кто-то из других рогаландских ярлов насмешливо указал ему на это, Авальд Добрый сказал: «На полях у моих бондов ячмень и выше, и красивее, чем у твоих».

Конунгом в Стране Ругов в то время был Эйвинд Кривой Рот. Его так прозвали за то, что, когда он улыбался, рот у него как бы сползал на сторону. Его также называли Асаярлом. А в соседнем Агдире уже давно власть прибрала к рукам Аса, дочь Харальда Рыжебородого и вдова Гудрёда Охотника. Эйвинд Кривой Рот, как шутили, ей чаще других улыбался, и рот у него якобы окривел потому, что он слишком заискивал перед своей могущественной южной соседкой.

Авальд Добрый конунгу Эйвинду был верен, как все ярлы Авальды.

10

Когда Авальду минуло двадцать три зимы, его отец, Авальд Тринадцатый, приискал ему знатную невесту, дочь ярла Торгнюра, который управлял Улладаленом. Вместе с отцом надели лучшие одежды и поехали на восток свататься.

По дороге проезжали мимо одного двора и услышали голос девушки, которая молола зерно на мельнице и пела. Младший Авальд был так очарован ее голосом, что упросил отца остановиться и вошел на мельницу взглянуть на певицу. На ней была голубая накидка, под накидкой – ярко-красное платье. Волосы падали ей на грудь с обеих сторон и были перехвачены поясом. На вопрос, кто она такая, девушка учтиво ответила, что зовут ее Хельгой и она дочь Вигфуса. Она была высокого роста.

Ярл собирался ехать дальше, но Вигфус упросил проезжих остаться.

Вечером Авальд-ярл и Вигфус-хозяин пировали, а их дети играли в шашки.

Утром сын объявил отцу:

– Надо было вчера ехать в Улладален. Сегодня уже не получится.

– Как это? – удивился ярл.

– Вчера вечером я не удержался и сначала взял Хельгу за руку, потом дотронулся до ее плеча, а затем несколько раз

поцеловал ее. Тебя все называют Справедливым. Не мне тебе объяснять, что по закону я должен на ней жениться.

– По закону, за твое легкомыслие я заплачу виру, – возразил старший Авальд.

– А какую виру ты мне заплатишь за то, что лишишь меня женщины, которую я полюбил? – спросил младший.

– Не слишком ли скоро эта крестьянка стала твоей любимой?

– Не скорее, чем ты полюбил мою мать, дочь поденщика. Ярл долго молчал, кусая ус и теребя бороду. А потом говорит:

– Твоя мать красавица. А эта... Она тебя выше на полголовы.

– Когда она пела, у меня будто выросли крылья и я мог взлететь к верхушкам сосен, – ответил сынок.

– Смотри, как бы тебе не разбиться о землю, – сказал ярл и вышел, хлопнув дверью.

Не попрощавшись с хозяином, отец поехал дальше на восток, а сын, сообщив Вигфусу, что придет сватов, вернулся на запад.

К чести Авальда Справедливого надо отметить, что он выделил сыну достаточно средств, чтобы тот мог заплатить женский дар невесте и дружеский дар тестю.

Свадьбу сыграли в начале осени, за два дня до ястребиной ночи.

На свадьбу пришли три ворожеи. Наибольший почет оказали старшей, ей поставили высокое кресло с пуховой подушкой. Младшую же обделили вниманием. Она, ко всему прочему, была страшенькая.

Старшая вѣльва объявила жениху и невесте, что они будут счастливы до конца своих дней, что у них родится сын, который прославится больше своих предков.

Средняя ворожея ее слова повторила и добавила, что невеста будет образцовой хозяйкой и умрет в один день с мужем.

Им обоим вручили богатые подарки, а младшую не только не выслушали, но двое подвыпивших гостей случайно толкнули ее и уронили на пол. Она разозлилась и крикнула, обращаясь к невесте: «Они ради подарков тебе главного не скажали. А я тебе говорю: беги от него побыстрее, пока он тебя не угробил!»

Ее тут же вывели из застолья ее же напарницы. Ее объявили пьяной. А в таком виде никто не предсказывает!

Ярл Авальд Справедливый на свадебном пире не произнес не единого слова и скоро ушел; еще до того, как прибыли ворожеи.

12

Хельга Длинноногая – такое у нее было прозвище – хозяйкой и вправду была замечательной. Она была полновластной правительницей в усадьбе, отдавала приказы работникам, служанкам и рабам и часто вместе с ними доила коров, сбивала масло, делала сыр, молола зерно, сучила нитки и пряла. Когда она пела, работа у всех спорилась. Она была такой искусницей в рукоделии, что мало кто из женщин мог сравниться с ней в этом. Ее вышивки были лучшими в Рогаланде.

И вправду Авальд и Хельга были счастливы друг с другом. Когда взгляды их встречались, всем было видно, что, как говорится в пословице, глаза не могут скрыть любви. Когда Авальду случалось бывать в отъезде, самой большой радостью для Хельги было разостлать плащ, который она получила в подарок от мужа, и подолгу им любоваться.

Их счастьем многие завидовали; в округе не было пары, равной им по счастью.

Через две зимы в месяц ягнят у них родился сын.

Люди говорили, что не видели более красивого младенца. Глаза у него были большие и голубые, кожа белая, волосы светлые и как шелк. Он редко плакал и часто улыбался.

Едва он появился на свет, отец вбежал в комнату, вопреки обычаю не дал положить новорожденного на пол, а схватил его на руки и, казалось, обо всем на свете забыл. И лишь когда ему несколько раз напомнили, что надобно дать ребенку имя, Авальд надел на него амулет Тора, облил ему головку водой и нарек сына Хельги.

Люди удивились и напомнили, что в их роду первенца всегда называли Авальдом и, похоже, счастливый отец оговорился.

Авальд никого не удостоил ответом. И лишь жене своей, матери младенца, когда уже накрывали пиршественные столы, объяснил, зайдя к ней, чтобы в очередной раз посмотреть на ребенка:

– Довольно с нас Авальдов с их странной судьбой. Этот будет Хельги. Хочу, чтобы у меня отныне было двое *святых*.

14

Пир Авальд устроил на славу. Поданы были лучшие кушанья. Пиво было медовое и крепкое. Всё было выметено, убрано, и зал празднично убран.

Ярл Авальд Справедливый, дед новорожденного, в это время был на охоте и на пире отсутствовал.

Но, когда вернулся и узнал, какое имя дали его внуку, несколько дней не желал видеть сына. А затем вызвал его к себе и сказал:

– Ты сам решил судьбу своего первенца. Не быть ему ярлом.

– Не люди решают судьбу, дорогой отец, – учтиво напомнил Авальд Младший.

Авальд Справедливый умер, когда Хельги миновала вторая зима, и ярлом вместо деда стал отец, Авальд Добрый, Авальд Последний, как мы это теперь знаем.

Хельги рос на острове Кармэй и был очень хорош собой. Светлые, как шелк, волосы лежали у него по плечам. В росте Хельги уступал многим своим сверстникам, был тонок в поясе и не был широкоплеч. Но грудь у него была крепкая, а руки и ноги стройные и очень сильные.

Он бегал и плавал быстрее других детей, мог перепрыгнуть через ручей, через который никто из детей перескочить не мог. Зимой на лыжах он не отставал от отца, который известным был лыжником.

Вдобавок, он был удивительно стремителен в движениях. Он всегда ловил брошенный в него мяч или камень. А однажды, задумавшись, поймал в кулак пролетавшую мимо птицу.

К тому же он был не по годам храбр. Ему было три года, когда в гости к Авальду-ярлу пожаловал Торгильс, сын Готреда Молчаливого, конунга Хордаланда. Торгильсу в ту пору было лет двадцать, но он уже успел заявить о себе в боях с морскими разбойниками. Выйдя во двор, он сел на ступени крыльца и принялся пугать игравших детей грозным рычанием и страшными гримасами. Дети задрожали от страха и разбежались. А Хельги, самый из них маленький, засмеялся, подошел к Торгильсу и, улыбаясь, стал гладить его по голове, а потом по усам.

– В один прекрасный день ты тоже станешь викингом, мальчик! – воскликнул герой.

Когда Хельги исполнилось семь лет, к нему стали тянуться многие дети, в том числе те, которые были старше его. Не потому только, что он был сыном ярла, но потому также, что был он со всеми дружелюбен, приветлив, говорил мало, но красиво и рассудительно, умел справедливо разрешить любой спор, как его дед, и сделать это ласково и с улыбкой, как его отец.

Еще больше нравилось его товарищам, что в играх и упражнениях Хельги никогда не стремился быть первым, как это обычно бывает среди детей. Способности свои он обнаруживал лишь тогда, когда этого требовали обстоятельства, и своего превосходства никогда не выставлял напоказ, давал проявить себя другим, а сам держался как бы в тени.

С детства у Хельги было столько друзей, что ему можно было бы позавидовать. Но он был из тех, кто вызывает зависть лишь у очень плохих людей.

Хельги еще не минуло девяти зим, когда произошло вот что:

Конунг Эйвинд пригласил ярла Авальда на пир, на который должны были приехать другие рогаландские ярлы. Дело было в месяце гои. Погода стояла солнечная и морозная, и Хельга, жена Авальда, упросила мужа взять ее с собой.

Выехали на двух санях с двумя воинами; ярл редко брал с собой многочисленную охрану.

До Нэрбу, где ждал их конунг, никто из них не добрался.

Дней через десять в Кармэй пришла весть, что в Аске были обнаружены две пустые подводы с лошадьми, а в пяти милях от этого селения, в лесу, в сгоревшей дотла сторожке для путников – четыре обгоревших тела. Ярла опознали по золотому обручью, загнутому по краям и называвшемуся «змея Одина», а жену его – по серебряному ожерелью с тремя золотыми подвесками. Как возник пожар и почему путникам не удалось выбраться из горящей хижины, никто не мог объяснить.

Но скоро поползли слухи. Сначала кто-то припомнил, что на свадьбе Авальда и Хельги предрекали им ворожеи, особенно – младшая. Следом за этим стали припоминать, что все Авальды-ярлы погибали неожиданной смертью, а прадед нынешнего Авальда, Авальд Могучий, сгорел от удара мол-

нии, и это произошло в ясную погоду, когда, казалось бы, ничто не предвещало несчастья. А тут еще кто-то стал утверждать, что перед самым отъездом умер бык, предназначенный для жертвоприношения; это считалось очень нехорошей приметой.

На похороны Авальда Доброго и его жены приехал сам конунг Эйвинд Кривой Рот, хотя, как известно, путь от Нэрбу до Кармэя совсем не близкий. По всему было видно, что конунг горюет о смерти своего верного ярла. Рот его ни разу не искривился в улыбке, и слезы стояли в глазах.

Осиротевшего Хельги он усадил к себе на колени и объявил, что берет ребенка на воспитание.

Тогда еще здравствовала Астрид, мать погибшего Авальда и бабушка Хельги. А также были у юного Авальдссона двоюродные дядья. Все они со своими людьми были готовы воспитывать сироту и прямо заявили об этом конунгу Эйвинду. Но тот возразил:

– Дед Хельги, Авальд Справедливый, когда-то меня воспитывал. Теперь настал мой черед воспитать его внука.

К этому Эйвинд прибавил, что помимо королевского воспитания он, конунг, когда мальчик повзрослеет, сделает его своим ярлом и даст ему большие земли в другой части Страны Ругов, а Северо-Западным Рогаландом пусть управляет Хрейдар, один из его дядей. Против этого предложения никто не стал возражать, особенно Хрейдар, которого сделали ярлом.

Авальда и Хельгу похоронили в кургане из камня и глины и укрепленного бревнами.

Перед тем как уехать вместе с конунгом, Хельги попросил, чтобы ему дали с собой плащ, меч и копье его отца.

– Знай, что, беря с собой эти вещи, ты возьмешь и родовую судьбу Авальдов. Тебя это не пугает? – заметила ему Астрид, его бабка.

– В моем роду не произносят такое слово, – возразил восьмилетний внук.

Некоторые из Авальдовых дружинников хотели последовать за Хельги. Но Эйвинд им запретил, сказав, что *сидящий на конунговых коленях* не будет испытывать недостатка в воинах.

Отправились

Как предсказывал драйвер Петрович, несмотря на свои гневные заявления и угрозы немедленно уехать, профессор Сенявин вместе со всеми отправился на рыбалку.

Завтрак съел молча. Ушел, ни слова никому не сказав. Но, когда Труль, Митя и Драйвер облачились в рыболовные комбинезоны и вышли во двор, там их уже поджидал Андрей Владимирович, по форме одетый и готовый к рыбалке.

На радостные восклицания Драйвера и лучезарные улыбки Телеведущего, что называется, бровью не повел. И первым шагнул к воротам. Вид у него был такой, будто он один на базе, и во всем свете – один-одинешенек, и вот, решил в своем гордом одиночестве порыбачить и какую-то грустную думу обдумать.

Выйдя за ворота, широко и решительно зашагал к пирсу, стремительно отдаляясь от других рыболовов.

Петрович засеменял следом, сохраняя, однако, уважительную дистанцию между собой и Профессором.

Отставая от них, шли Митя и Труль. Митя, страдая поясницей, ступал осторожно, прижав руки к бокам и изредка морщась. Александр сопровождал его.

Несколько раз Труль попытался заговорить со страдальцем. Сначала сочувственно поинтересовался, как чувствует себя Сокольников. Затем деликатно полюбопытствовал, ча-

сто ли Дмитрию Аркадьевичу случается бывать на рыбалке. В третий раз, когда Митя особенно сильно сморщил лицо, Трульв предложил им двоим вернуться на базу и на его, Сашиной, машине съездить к врачу, в Приозерск, в Сосново, да хоть в Питер, если понадобится.

Первый Труллев вопрос Митя, похоже, вообще не расслышал. В ответ на второй глянул на Александра своими прозрачными голубыми глазами и жалобно улыбнулся. А на Сашино предложение сначала закашлялся, а потом ласково заверил Ведущего в том, что болезнь его совершенно не заразная.

– Да я не о кашле – я о спине! – в сердцах воскликнул Трульв. – Можно ведь сделать обезболивающий укол!

Митя лишь благодарно улыбнулся в ответ.

Профессор сел в лодку еще до того, как Драйвер ступил на причал.

Когда Соколыцев вползал в катер, Ведущий поспешил вернуться.

Еще за завтраком договорились о двух вещах: ловить будут на те новейшие приманки, которые привез с собой Трульв, и ловить будут там, где Александр укажет, пользуясь своим эхолотом. По первому пункту договора Петрович не выдвинул никаких возражений. А по второму позволил себе заметить: «Но ты ведь мест наших не знаешь». На что Алек-

сандр ему разъяснил: «Я, Толь, до того как пришел на телевидение, лет десять работал егерем на рыболовных базах». И Драйвер тотчас отозвался фирменным: «Не вопрос».

Стало быть, «парадом командовал» Александр: выехали в том направлении, которое он указал; замедлили ход там, где он скомандовал, и там стали *раскрываться* – выпускать поплавки, цеплять за тросы карабины и вставлять в них пленки от спиннингов. Как и накануне, использовали все восемь верхних спиннингов и три бортовых: два справа и один слева.

Увидев новейшие воблеры, которые извлекал из своего рюкзака Ведущий, Петрович восхищенно воскликнул:

– Ну, блин, раздуй вас горой, – охерительная красота!

Он коснулся одной из приманок и тут же отдернул руку, словно воблер обжег ему пальцы.

– Прямо страшно дотрагиваться до такой красотишши, – признался Драйвер.

– Толь, давай побыстрее насаживать, – скомандовал Труль и, глянув на экран своего эхолота, добавил: – Тут под нами целая стая зачетных *подонков*.

– Не вопрос, – согласился Петрович и принялся ловко навешивать воблеры, которые распечатывал и подавал ему Александр.

С четвертой приманкой Драйвер, однако, замешкался.

– На такую хреновину можно, по ходу, и Мирового Змея подцепить, – сказал он и посмотрел на Профессора. Но тот

демонстративно закрыл глаза: дескать, не только не слышу, но и видеть тебя не желаю.

...Когда все спиннинги были оснащены и троллинг продолжился в полном объеме, Петрович испуганно объявил:

– Ну всё, Сань! Теперь точно не клюнет. Да не в жизнь!

– Это еще почему? – спросил Александр.

– Потому что мы люди скромные и к такой заебесовой роскоши не привычные. Так давай скажем, – так сказал безносый карел.

– Клюнут, – заверил Ведущий и, усмехнувшись, прибавил: – В отличие от тебя, допотопного мракобеса, лосось – рыба продвинутая, идет в ногу с прогрессом.

Мотор на катере был двухсотой четырехтактной Ямахой. Можно было разговаривать, не напрягая голоса.

Не клюнуло ни через четверть, ни через полчаса, хотя Труль направлял лодку в самые, как он говорил, *музыкальные* места, где, по его расчетам, невозможно не быть лососю. Тем более что на его фирменном голландском эхолоте в этих местах под катером виднелись прямо-таки стаи рыб.

– Что за чушь? – несколько раз спросил Александр.

Первый раз на этот вопрос Петрович ответил:

– Рыбы – не люди. Им эти ваши ино... как они там?.. ино-вашки насильно не впаришь, если им они не по кайфу.

Второй раз Драйвер изрек:

– Они на тебя, Сань, по ходу, обиделись. Ты их «подонка-

ми» обозвал. А они в четверг на пяти метрах тусуются.

В третий раз объяснил:

– При таком тумане они вообще не берут.

Труль оторвался от эхолота и огляделся. Туман, ранним утром покрывший озеро, теперь частью поднялся вверх и стал как бы облаками, слишком зелеными и прозрачными для облаков настоящих, а частью напоз на берег и там, типа, дымился – несколькими в разных местах будто разожженными кострами. Озеро же сверкало на солнце серо-синим цветом, холодным, почти металлическим.

– Туман давно ушел с озера, – возразил Ведущий.

– А ты надень очки – увидишь, – велел Петрович.

У Александра надо лбом были модные темные очки, душки которых крепились на висках. Труль следовал моде и редко спускал очки на глаза.

Теперь он надел их на переносицу. И через короткое время очки запотели.

– Теперь понял, что мы в тумане? – спросил Драйвер и пояснил: – У нас иногда приходит такой туман. Мы его называем *некюмет*... Не знаю, как это будет по-русски.

Прошло еще с четверть часа.

Все это время сидевшие друг против друга Митя и Профессор не проронили ни слова. Митя лишь один раз закашлялся, но кашлял долго, надрывно, будто раздирая себе внутренности. Отодвинувшись от него на максимально воз-

можное расстояние, Профессор лишь изредка приоткрывал глаза и снова их закрывал.

Один раз, открыв глаза, он уперся взглядом в спину Петровичу. И тот вдруг востепенел, развернулся на вращающемся рулевом кресле и игриво спросил:

– Как вчера, коньячку?

Профессор ему не ответил и вновь закрыл глаза.

Драйвер выждал и снова попробовал:

– Может, для разнообразия вискарем поправимся?

Сенявин открыл глаза, встал и ушел на нос лодки. Петровича он и взглядом не удостоил.

– Вы, это самое, зря обижаетесь! Я ведь от всей души! – крикнул ему вслед Драйвер.

Едва ли его Сенявин услышал.

Еще через полчаса Ведущий с Петровичем поменяли приманки на всех одиннадцати спиннингах. Сверившись с макбуком, Труль велел Драйверу *держатъ курс на десять часов* – так он выразился. А сам перешел на нос катера и сел на скамью напротив Профессора.

– Вы позволите?

Сенявин лишь коротко покосился на него и стал смотреть в сторону берега, над которым дымился туман.

– Если я вам помешал, я тут же уйду, – прибавил Александр.

Профессор слегка покачал головой и стал оглаживать бороду.

Помолчали. И Труль сказал:

– До сих пор нахожусь под впечатлением от ваших лекций.

Сенявин отвернулся от берега и стал разглаживать черные усы, глядя на нос лодки.

– Лекции замечательные! – радостно воскликнул Александр и просиял улыбкой.

Профессор наконец обернулся к Ведущему и произнес:

– Издеваетесь?

– Подлизываюсь, – мгновенно отреагировал Труль и подумал: «Стало клевать».

– А чем сегодня порадуете? – затем спросил Александр.

Сенявин посмотрел на него не то с укоризной, не то с удивлением.

«Теперь надо аккуратно подсесть и осторожно вываживать», – подумал Ведущий.

– Понял вас, – кивнул Саша, встал и ушел с носовой части.

Но через минуту вернулся, принеся две откупоренные пивные бутылки. Одну из них протянул Профессору. Тот безглаголиво поморщился и отвернулся. Труль же уселся рядом с Сенявиным и принялся прихлебывать из одной бутылки, другую держа в руке.

– И о чем пройдет речь?

Профессор нахмурился.

– Неужто все замечательные лекции вы вчера нам прочли и ничего новенького не осталось?

– Послушайте... молодой человек!.. – с досадой начал Се-

нявин. Но у Трулля в мыслях сверкнуло: «Не давай ему уйти в глубину! Держи на поверхности!» – и он радостно перебил:

– О засилье и произволе чиновников у нас часто и многие рассуждают. Но назвать это явление Гидрой! Эту Гидру описать! Сравнить наших чиновников с криминальной братвой и их правила поведения – с лагерным обиходом... Гениально, профессор!

– Да бросьте вы, – возразил Профессор, но хмуриться перестал.

– И пронзительно о пассивности нашего народа. О его, можно сказать, исторической надежде на Доброго барина, на Царя-батюшку... Зло, конечно, цинично. Но, черт побери, образно!

– Я ведь, если помните, предупредил, что намеренно буду зло говорить. Чтобы ярче была картина... – Сенявин чуть улыбнулся. А Трулль продолжал, сияя лицом:

– Особенно меня зацепили три исторических портрета, которые вы мастерски, не побоюсь этого слова, нарисовали, – Грозного, Петра и Сталина! Как они пытались вырваться из удушающих объятий нашей бюрократии и так далее, и так далее!.. Ни у кого из наших знаменитых историков я подобного не встречал. Не говоря уже о современных... *якобы историков.*

Последние два слова Трулль подчеркнул и с восхищением стал смотреть на Профессора. А тот будто смутился и стал оправдываться:

– Вы, конечно, несколько преувеличиваете... Но, видите ли, история *аналитическая*, к которой я себя отношу, – наука совсем молодая; она лишь немногим старше ядерной физики. Ее основателями я считаю прежде всего Тойнби и частично – Льва Гумилева... Потому, говорю, частично, что Лев Николаевич слишком увлекся солнечной активностью и сотворил кумира из своей...

«Теперь еще раз подсечь и можно вытаскивать», – подумал Ведущий и снова перебил Профессора:

– Понял, что вы аналитик, Андрей Владимирович. Но ваша аналитика меня как раз и смутила. Сравнить живой организм со зданием? И это здание разделить на этажи и на комнаты? Понимаю, что так вам удобнее. Но это ведь своего рода... как бы это нежнее выразить?.. типа, вивисекция... Аналитика ваша как бы препарировует, разрезает живое и расчленяет целое.

Сенявин смущаться перестал.

Трулль сидел от него справа, в обеих руках держа по бутылке. Из правой несколько раз отхлебнул. А левую чуть отставил в сторону. И эту левую откупоренную бутылку с пивом Профессор у Ведущего осторожно забрал – дескать, давайте я вам помогу, вам ведь, поди, неудобно с двумя-то бутылками.

– Верно подмечено, дорогой Александр... Александрович, – согласился Сенявин. – Целое, разумеется, надо как целое рассматривать. При этом, однако, неплохо иметь пред-

ставление, из каких частей состоит и как они взаимодействуют... Это мы вчера, помнится, бегло рассмотрели... Но целое мы, конечно, не затронули. Это намного сложнее сделать. Особенно, если это целое живое и к тому же *Великое*! Тут требуется совершенно особый подход!

Профессор взмахнул правой рукой, и часть пивной пены выплеснулась ему на колено. Лево́й рукой Сенявин принялся стряхивать пену со штанины. И продолжал:

– Я, кажется, уже упоминал, что мой дед был врачом. И врачом выдающимся. Я имею в виду не славу его... хотя она у него была поистине всесоюзная... Я назвал его выдающимся, потому что он, дед мой, Андрей Владимирович Сенявин, полный мой тезка, обладал редким даром видеть в своем пациенте не только больного, а именно *целостного* человека, со всеми его физиологическими и психологическими особенностями, с его неповторимой наследственностью, всей его жизненной историей, лишь частью которой можно считать историю его данной болезни.

– Надеюсь, он в добром здравии? – поинтересовался Труль.

– Нет... он нас покинул...

– Вечная память ему, вашему дедушке, – тихо и ласково проговорил Ведущий и деликатно отхлебнул из бутылки.

Профессору ничего не оставалось, как тоже приложиться к горлышку. И он это совершил не спеша, продолжительно и с удовольствием.

– Я почему вспомнил о деде, – выпив, заговорил Сенявин. – В какой-то момент я решил последовать его примеру и в своих аналитических исследованиях смотреть на государства, на народы, на нации как на целостные и живые организмы... Я разработал подход, который можно условно назвать *биоисторическим*. В этой, с вашего позволения, *биоистории* меня интересуют не государи, как Карамзина, не события, как Устрялова, не народ, как Полевого, и не государственность, как Соловьева, а бытие и даже, если позволите, *Житие* России-Руси.

Профессор снова со вкусом приложился к бутылке. А потом:

– Если вы не лукавите... И если я вам еще не надоел... – Сенявин не договаривал, потому как Ведущий уже на первых его словах энергично замотал головой: дескать, помилуйте! О чем вы, ей-богу?! – Могу предложить вашему вниманию некую динамическую зарисовку. Или точнее сказать: *Житие* Руси. Принимается?

– Еще бы! Конечно же! Однозначно! – стал восклицать Ведущий и три раза кивнул.

– Но заранее предупреждаю, что тут исторический анализ будет, так сказать, с художественным привкусом. Ибо наука действительно останавливает и омертвляет, и текучую жизнь способно уловить лишь искусство... Кстати сказать, у Михаила Погодина, еще одного нашего научно-исторического великана, имеются крайне любопытные рассуждения

о том, что без *анатомии* истории, без исторической *физиологии* нельзя строить никакие системы и никакие теории...

– Постараюсь как можно короче, – продолжал Андрей Владимирович. – Учитывая, что мы будем рассматривать Русь-Россию как живое существо, нам надо изначально договориться о ее, так сказать, главных анкетных данных – родители, пол, годы жизни, семейное положение... О родителях я, с вашего позволения, чуть позже скажу. А сейчас главное – пол... Пол, вне всякого сомнения, женский. Тут, полагаю, никто возражать не станет. Ни ваш любимый Бердяев, ни кто иной мало-мальски разбирающийся в анатомии жизни. Русь родилась девочкой и, взрослея, эту свою женственность лишь разнообразила и усиливала... Россия настолько Женщина, что я всегда с опаской употребляю слово «Отечество». «Родина», «Родина-Мать» – так говорит народ. И любит Россию как мать... Отечество, Фатерлянд – это для немцев. Потому как Германия, Дойчланд, – определенно мужчина... Вы согласны?

– Что Россия больше женщина, чем мужчина, пожалуй, согласен, – осторожно откликнулся Трульв.

– Не *больше*, а *сущностно* женщина! – строго возразил Сенявин и продолжал:

– Идем дальше – годы жизни. Именно *годы жизни*, а не исторические периоды, которыми мыслят историки. Раз Россия у нас существо, стало быть, у нее есть различные *возрасты*: детство, отрочество, юность и так далее... Годом

рождения я положил год восемьсот шестьдесят второй, следуя «Повести временных лет». А *биологическим годом* решил считать 17 лет. Получается, что свое десятилетие наша девочка встретила в 1032 году, двадцатилетие – в 1202-м, тридцатилетие – в 1372-м...

Тут Трульв достал из рюкзака мобильный телефон и включил его.

Профессор в очередной раз хлебнул из бутылки и объявил:

– Теперь о семейном положении. И это, пожалуй, самое главное в нашей истории. Категорически утверждаю, что у Руси и России нет и не было мужа. Вернее, муж у нее – Бог, которому она себя посвятила в своем раннем детстве. Хотите, считайте ее амазонкой; они когда-то обитали в наших южных пределах. Хотите, называйте ее страждущей вдовой, которой судьба уготовила тернистый путь, – так ее представлял себе Максим Грек, один из предтеч нашей биоистории... Мне же больше по сердцу образ гомеровской Пенелопы, ждущей своего Одиссея. С той лишь разницей, что муж ее, Бог Вездесущий, всегда был с ней. Но разные, так сказать, *женихи* ей с юности докучали, ее объедали, грабили и насиловали. Они были лишь сожителями Руси. И это первое, что нам сразу же надо определить... Второе – они не были конкретными историческими лицами. Ведь мы с вами сочиняем житие или биоисторию, а не создаем реальное историческое полотно. Чтобы вам было понятнее, их можно сравнить с де-

монами или с духами, которые в нашу Матушку пытались вселиться, овладеть ею и управлять не только ее плотью, ее душой, разумом, сердцем...

– И кто эти женихи? – не удержался Ведущий.

– Немного терпения, молодой человек, – усмехнулся Сенявин. – Мы до них вот-вот доберемся. А заключительный пункт нашей преамбулы – в Евангелии Иисус говорит: «Возлюби Бога все сердцем своим, всей душою своею, всей крепостью своею, всем разумением своим». Коль скоро у нас с вами Житие, позвольте этот тетраптих – сердце, душа, разумение, крепость (я в таком порядке хочу его расположить) – использовать как нашу, если угодно, дорожную карту. И сказать, что *сердце* – это истинно верующие люди и в первую очередь – святые. *Душа* – это мятущаяся между сердцем, плотью и разумением творческое естество национального существа: писатели, музыканты, художники и подобные им. *Разумение* – то, что мыслит, управляет душой и плотью. Вернее, пытается управлять. И даже подсказывать сердцу. А *крепость* – иммунная система, то, что охраняет самобытность и отторгает всё чуждое и враждебное... Сейчас, боюсь, это не очень понятно. Но нам это различие весьма пригодится.

Профессор замолчал и допил содержимое своей бутылки.

– По-моему, довольно понятно, – заметил Трулль. – Вы только «плоть» не определили.

– Плотью предлагаю считать всё то, что не сердце, не душа и не разумение... но что составляет нашу оставшуюся жизнь:

алчущую и жаждущую, кормящую и пожирающую, в значительной степени бессознательную... Ну, «плоть», Саша! Мы ведь о Женщине говорим! Неужели непонятно и надо определять?

– Окей, – согласился Трулль. – Но у меня к вам встречное предложение. Давайте вернемся к удочкам. Пусть все вас слушают.

– О ком вы?.. О драйвере с этим... несчастным? – удивился Сенявин и нахмурился. – Вообще-то я для вас начал рассказывать.

– Я буду вас очень внимательно слушать! И попутно приглядывать за рыбалкой! – радостно заверил Андрея Владимировича Ведущий и добавил: – А то мы рискуем остаться без обеда... Да и пиво у вас, я вижу, закончилось.

У Трулля бутылка была почти полной.

Профессор отложил на сиденье свою пустую бутылку и сказал:

– Воля ваша!

Оба поднялись и ушли с бака, к Драйверу и Мите.

Хельгисага (18–31)

18

Конунг Рогаланда Эйвинд по прозвищу Кривой Рот, как уже говорилось, особым расположением у народа не пользовался. И прежде всего потому, что во многом зависел от Асы, дочери Харальда Рыжебородого, которая правила в соседнем Агдире после того, как ее слуга убил ее мужа Гудреда Охотника. В тот год, когда Эйвинд взял на воспитание Хельги, сын Асы, Хальвдан Черный, уже начал подчинять своей власти вестфольдские земли; на следующий год стал правителем всего Вестфольда и половины Вингульмёрка, а еще через год завоевал Раумарики. Он был удачливым воином, властным и жестоким правителем и с детства привык следовать советам матери.

Оценив свои силы, конунг Эйвинд благоразумно решил, что лучше ему подчиниться агдирским хозяевам и выполнять их желания, чем независимым поведением вызвать их недовольство и рано или поздно лишиться власти над своими землями, как это случилось с конунгами Вингульмёрка и Раумарики, не говоря уже об Олаве, единокровном брате Хальвдана, которого, как поговаривали, тайно умертвили в Гейрстадире, а потом объявили, что он сам по себе умер от

болезни.

По приказу Асы Эйвинд поставлял ей и Хальвдану лучших своих воинов, снаряжал боевые корабли в дальние морские набег. В Эйрикстадире возле своего дома конунг выстроил просторные гостевые палаты, стены которых завешивались дорогими фризскими гобеленами, убирались цветными щитами, шлемами и кольчугами, а лавки покрывались блестящими полавочниками и расшитыми подушками. В них принимали гостей из Агдира и Вестфольда. По сравнению с домом, в котором жил конунг Рогаланда, эти палаты выглядели настоящим дворцом.

Взятого на воспитание Хельги конунг Эйвинд окружил вниманием и заботой. Он поручил его опытным воспитателям и любил повторять, что у него, Эйвинда, отныне три сына и Хельги среди них старший.

Родных сыновей конунга звали Сульки и Соти. Сульки был на год моложе Хельги, а Соти – на три года. Они также приняли Хельги как родного и скоро так к нему привязались, что старались не разлучаться.

Уже говорилось, что Хельги от рождения был очень хорош собой, к тому же приветлив и обходителен. Он прямо-таки притягивал к себе самых различных людей, в особенности детей, которые будто грелись в его присутствии, как зимой греются у очага, а весной – на ласковом солнце.

Без малого десять зим Хельги Авальдссон провел у конунга Эйвинда Кривой Рот, и с годами их дружба с Сульки и Соти только усиливалась: ничто их не разделяло – ни слово, ни дело.

Как известно, сыновья богатых бондов стремятся быть поближе к сыновьям конунгов и ярлов и вместе с ними обучаться военным искусствам, составляя то, что в те времена, о которых идет речь, называлось *малым конунговым хирдом*, или отрядом детей мужей. На пирах они сидели за отдельной скамьей, воины брали их с собой сначала на охоту, затем – в несложные походы, и, взрослея, они пополняли собой дружину ярла или конунга, добывая себе славу и богатство.

Такого рода малая дружина постепенно образовалась в Эйрикстадире, и Хельги мог бы в ней верховодить. Но он всячески подчеркивал, что главный в их компании Сульки, старший сын конунга. И тот за это еще сильнее привязался к своему побратиму.

Хельги всех одаривал своей дружбой. Но помимо сыновей конунга ближе всего к нему были, пожалуй, Вестейн, Кари и Флоки.

Под руководством опытных наставников отроки конунгового хирда упражнялись в том, что необходимо каждому мужчине и воину: фехтовали на мечах, стреляли из лука, метали копья и камни, бегали и плавали, обучались прыжкам в высоту и в длину, без оружия и с оружием, с тяжестями в руках и с грузами на теле. Хельги в этих упражнениях неизменно участвовал, но никогда не стремился быть первым.

В тренировочных схватках он больше любил уклоняться, чем наносить удары. При этом чем напряженнее было состязание – фехтование или борьба, – тем ярче на его лице светилась улыбка. За это он получил прозвище – Хельги Улыбка. Ведь обычно, когда люди состязаются и напрягаются, лица у них становятся напряженными, или хмурыми, или яростными. Но не у Хельги!

Так вел он себя на глазах у товарищей. Но часто улучал момент и с одним из воспитателей, человеком по имени Эндот, удалялся в какое-нибудь безлюдное место, на берег фьорда или на лесную поляну, и там учился рубить мечом с обеих рук; он так быстро взмахивал мечом, что, казалось, будто в воздухе не один меч, а целых три летают. В полном вооружении он подпрыгивал больше чем на высоту своего роста. Плавал он как тюлень: быстро, далеко и, если надо, лишь изредка выныривая на поверхность.

Особо любил Хельги взбираться на скалы, которые со стороны выглядят отвесными. На таких скалах обычно гнездятся тупики. Хельги подбирался к их гнездам и добывал птичьи яйца, которые дарил конунгу Эйвинду и его жене – они ими лакомились и благодарили приемыша.

Обычно Хельги карабкался на неприступные скалы в одиночестве, чтобы не подавать товарищам опасный пример. Но Сульки и Соти однажды тайно подглядели, как он это делает, и Соти – ему тогда было лет семь – полез на гору, крутую и опасную даже для взрослого человека. Кое-как преодолев несколько уступов, Соти оказался на вершине утеса. Но спуститься уже не мог и стал звать на помощь. Сульки не решился ему помочь, и правильно сделал, потому что с такой крутизны они бы оба сорвались. Люди, которых Сульки призвал, отроки и взрослые, тоже в нерешительности стояли внизу. По счастью, мимо проходил Хельги. Он тут же сбросил с себя плащ, легко влез на гору, посадил Сульки к себе на спину и спустился вниз безо всякого вреда.

Когда об этом происшествии доложили конунгу, Эйвинд объявил:

– С этого дня я считаю Хельги не только моим воспитанником, но и моим приемным сыном.

При этом конунг так широко улыбнулся, что рот его силь-

нее обычного сполз набок.

В другой раз Хельги с Эндотом отправились на приморские скалы собирать анжелику – растение, которое употребляют при лечении увечий. Камни внезапно покатались из-под ног Хельги, и он повис над пропастью, уцепившись за стебель растения. Он молча висел, не окликая своего наставника. А когда спустя некоторое время Эндот спросил подопечного, собрал ли тот достаточно анжелики, Хельги, улыбаясь, спокойно ответил:

– Думаю, мне ее хватит, когда та, за которую я держусь, выскользнет.

Только тогда Эндот понял, что Хельги находится в смертельной опасности, и вовремя помог ему выбраться.

В искусстве скалолазания Эндот превосходил Хельги, но спокойное мужество отрока его удивило.

Среди дружинников конунга Эйвинда был человек по имени Рафн. Он подвизался среди наставников и часто оказывался рядом с Хельги, ничему его не обучая, но иногда с ним заговаривая.

После того случая с анжеликой Рафн похвалил Хельги за проявленное мужество.

– Не меня надо хвалить, а моих родичей, – возразил Хельги. – От них мне достались две ценные для мужчины вещи. Одна из них – то, что я, похоже, не испытываю страха.

– А что за вторая вещь? – поинтересовался Рафн.

– Я с детства двигаюсь быстрее, чем другие люди.

В другой раз Рафн спросил Хельги, что он думает о смерти своих родителей.

– У каждого своя судьба. Их судьбой было вместе радоваться жизни и вместе умереть. Мне думается, это удача, – так ответил юноша.

– А вот тебя удача покинула, – грустно заметил Рафн.

– Быть воспитанником самого конунга – это непохоже на неудачу, – сказал Хельги.

Он часто уходил на морской берег, садился на камень и подолгу смотрел вдаль.

Однажды сзади к нему подошел Рафн и спросил:

– Что ты тут делаешь?

– Я нахожу лучшее удовольствие в том, чтобы любоваться красивыми кораблями, проходящими мимо.

– Но я не вижу ни одного корабля, – удивился Рафн.

– Корабля надо уметь дожидаться. Красивого – особенно, – откликнулся Хельги и улыбнулся.

Хельги минуло пятнадцать зим, когда ему пришлось участвовать в первом поединке.

Какой-то человек толкнул на дороге женщину, сшиб ее с ног и не подумал остановиться. Хельги сделал ему замечание, а тот стал браниться, угрожать, и дело кончилось тем, что он вызвал Хельги на поединок. Он был высокого роста, широк в плечах и, судя по всему, к тому же еще и берсерк.

Друзья уговаривали Хельги не связываться. Но тот улыбнулся и вызов принял.

Верзила явился на место поединка на коне и заявил, что с коня не сойдет. С ним были два секунданта, а с Хельги один только Вестейн.

– Ну, если ему удобнее на лошади, мне тоже будет удобно, – сказал Хельги, хотя Вестейн предлагал ему отказаться от поединка из-за явного нарушения правил.

И вот берсерк завыл и, поднеся щит ко рту, стал кусать его край и свирепо скалиться. А Хельги метнулся вперед и, поравнявшись с конем обидчика, мгновенно ударил ногой по низу щита. Щит так и влетел берсерку в рот и выломал челюсть, и она свалилась ему на грудь. От боли верзила потерял сознание и упал с коня. Поединок на этом закончился.

А дальше, как по пословице: стоит одному камню сорваться – за ним другие посыплются.

Один за другим люди буйного поведения стали как будто специально приходить в Эйрикстадир и задираться не к Хельги, а к его друзьям; сам он, не отличаясь честолюбием, мог бы пропустить оскорбления мимо ушей, но этого не снесли бы его товарищи по отряду, а Хельги не желал подвергать их опасности.

Поединки состоялись в разных местах, на разных условиях и с разным оружием.

Противники, как это принято перед началом сражения, раззадоривали себя обидными речами и яростными выкриками. Но Хельги никогда им не отвечал.

Лица буйнов искажались зверскими гримасами. Хельги же, по своему обыкновению, улыбался; разве что перед самым нападением улыбка его становилась печальной.

Все поединки Хельги выиграл и никого не убил, а только слегка ранил до крови, чтобы его победа была признана и можно было потребовать виру.

Лишь один раз он изувечил своего противника.

Дело было так:

Однажды навстречу Хельги попался человек высокого роста. Он назвал себя Сорле Сильным. И действительно, видно было, что справиться с ним трудно.

– Слушай, малец, дай-ка мне денег! – велел он.

Хельги ему вежливо ответил:

– Неразумно давать займы незнакомому человеку.

– Боишься, что я не верну тебе долг? А мне какой-то болтун говорил, что ты ничего не боишься! – удивился Сорле.

– Будь по-твоему, – сказал Хельги и дал денег.

Вскоре после того Хельги увиделся с конунгом и рассказал ему об этом случае. Конунг сказал:

– Не повезло тебе. Это очень плохой человек – известный разбойник. Не связывайся с ним. Лучше я подарю тебе столько, сколько ты дал ему.

– Плохи же тогда мы, ваши дружинники, если позволяем отнимать у себя свое добро, – ответил юноша.

Вскоре после этого он встретил Сорле и потребовал уплаты долга. Но тот сказал, что еще никому не возвращал взятые деньги.

Хельги грустно вздохнул и сказал:

– Либо ты вернешь мне долг, либо через три ночи мне придется биться с тобой на поединке. Ты сам меня к этому

вынуждаешь.

Сорле рассмеялся и сказал:

– Никто еще не решался вызывать меня на поединок. Слишком многие поплатились своей шкурой!

На этом они расстались.

Когда Хельги рассказал Эндоту о том, что произошло между ним и Сорле Сильным, наставник сказал:

– Плохо дело. Тебя угораздило связаться с колдуном, который может сделать тупым любое оружие... Мы вот как поступим. Я дам тебе меч. Сражайся им, а этому человеку покажи тот меч, с которым ты явишься на поединок.

Когда соперники встретились и встали друг против друга на подножники, Сорле спросил, что у Хельги за меч. Хельги показал ему свой меч и взмахнул им, а меч, который ему дал Эндот, спрятал у себя в рукаве, обвязав его рукоятку ремнем.

– Не спасет тебя твой меч, – сказал Сорле, посмотрев на меч Хельги.

И он свирепо рубанул своим мечом. Хельги едва успел от него уклониться и тотчас нанес ответный удар мечом Эндота. Но берсерк стоял, не защищаясь. Он ведь думал, что у Хельги тот самый меч, который тот ему показал раньше. И Хельги отсек у Сорле правую руку.

Рука упала на подножник и вместе с ней меч, который она держала. Сорле с удивлением их разглядывал. А Хельги сказал:

– Смотри или не смотри – руки у тебя больше нет. Колдовство и обман нынче дорого стоят.

От виры Хельги отказался и долг берсерку простил, объявив, что тот с ним вполне рассчитался.

Тут нужно заметить, что о похожем происшествии рассказывается в саге о Гуннлауге Змеином Языке. Но, правду сказать, Гуннлауг был исландцем, а в во времена юности Хельги этот остров еще не открыли, и никто из северных людей не знал о его существовании.

Хельги перестали вызывать на поединки после того, как он встретился...

.....
/Далее текст обрывается – Прим. переводчика/

Когда Хельги исполнилось шестнадцать зим, конунг Эйвинд сказал ему:

– Хватит тебе биться на поединках и без толку рисковать своей жизнью. Я дам тебе корабль. Плавай на нем вдоль наших берегов и защищай их от разбойников. Так ты сможешь показать себя с пользой для дела.

Сульки и Соти, сыновья конунга, хотели отправиться вместе с Хельги. Но конунг им отказал, сказав, что для них он найдет другое занятие.

Хельги хотел, чтобы с ним плавал его наставник Эндот. Но Эйвинд с каким-то поручением отправил Эндота в Агдир, откуда тот был родом, а в наставники Хельги определил Рафна.

Все люди, которых конунг дал Хельги вместе с кораблем, были из взрослой дружины. И только Вестейну и Кари удалось уговорить конунга отпустить их вместе с их другом. Рассказывают, что они дождались момента, когда Эйвинд был в хорошем настроении, и Вестейн воскликнул:

– Пожалей нас, конунг! Мы умрем от голода, если ты не позволишь нам плавать с Хельги!

– Почему от голода умрете? – удивился Эйвинд.

– Потому что мы нигде не найдем лучшего сотрапезника, – тихо и жалостливо ответил ему Кари.

Судя по всему, конунгу острога понравилась. Рот его сильно скривился в улыбке, а просителям было даровано разрешение.

Отправляя Хельги в первое плавание, Эйвинд конунг сказал ему:

– Пусть с тобой будет твоя удача.

– Только в том случае, – ответил Хельги, – если со мной будет и ваша удача, конунг.

Большинство воинов сразу полюбили Хельги и признали в нем предводителя. А те немногие, которые случаются в командах и слишком себе на уме, также прониклись уважением к Хельги после того, как он у них на глазах пробежался по веслам за бортом корабля в то время, как люди гребли. Никому из дружинников такое было не под силу – не удержали бы равновесия.

Всю весну и всю осень Хельги защищал от разбойников берега Страны Ругов, плавая на корабле, который дал ему конунг. А Сульки и Соти Эйвинд сделал главными над *стражей на мысах и косах*; они зажигали костры для предупреждения жителей о нападении неприятеля. Хельги и его людям удалось отогнать три и потопить два разбойничьих корабля, а один корабль очистить от викингов и со всем награбленным добром пригнать в подарок конунгу Эйвинду.

Побежденных врагов Хельги не придавал казни, а безоружными высаживал на берег и брал с них клятвы никогда больше не нападать на ругов. Но некоторые вспоминали

потом, что Рафн через посыльных сообщал о высаженных местным бондам, и те их вскорости отлавливали и умерщвляли.

Вспоминали также, что однажды в тихую погоду с мачты сорвался огромный брус, а Хельги как раз стоял внизу, и если бы не его поразительная изворотливость, брус наверняка проломил бы ему голову.

На следующий год конунг Эйвинд несколько раз отправлял Хельги собирать подати с дальних островов; те давно задолжали конунгу, но никто из людей Эйвинда не хотел туда ехать. Хельги же ни в чем не отказывал своему приемному отцу, как конунг велел ему себя называть.

Ничего не рассказывают о том, как он эти долги собирал. Зато известно, что во время одной из поездок корабль Хельги попал в бурю. Лето уже кончалось, и часто свирепствовала непогода, потому как дело шло к зиме. Но конунг велел Хельги напоследок сплавать на Утсиру и взыскать там просроченную дань. Рафн в этот раз не поехал, так как у него разболелось бедро.

Вышли в море при ясной погоде. Но к середине дня небо нахмурилось. А к вечеру с северо-запада налетел сильный ветер. Море бурлило, огромные валы обрушивались на корабль. А тут еще сверху посыпался такой крупный град, что одна градина весила целый эрир.

Люди приготовились к худшему. Молились: кто – Тору, кто – Одину, кто – Ньёрду. Несколько человек бранили конунга Эйвинда за то, что отправил в плавание в заведомо опасное время. Все жалко выглядели. А Хельги облачился в красивую одежду. Золотистые волосы, которые обычно падали ему на плечи, он зачесал за уши и повязал шелковой лен-

той, украшенной золотом. На шею надел серебряную гривну с молоточками Тора. На запястье правой руки надел большой позолоченный браслет, который назывался *Мольди*, а на правую руку – золотое обручье, загнутое по краям и называвшееся *Змеи Одина* – то самое, которое когда-то принадлежало его отцу, Авальду Доброму. Лицо Хельги улыбалось, губы двигались. Он что-то радостно говорил, глядя на нос корабля, но слов его из-за громкого ветра никто не слышал.

Буря окончилась так же внезапно, как и началась. Море утихло и вместе с ним успокоились корабельщики. И тут Вестейн поинтересовался у Хельги, с какой стати он так разделся и прихорошился.

– Знающие люди говорят, что чем наряднее ты выглядишь, тем лучше тебя примет морская богиня, – отвечал Хельги. – Я бы ее попросил, чтоб она проводила меня в Вальгаллу. Мой отец, Авальд, славным был человеком, и моя мать, Хельга, славной была женой. Она встретила ту же участь, что и ее муж. Фрея, я уверен, приняла ее в Фолькванг, свой чертог. Они бы меня сразу узнали по отцовскому обручью.

– А кому ты молился? – спросил Кари.

– Молись, не молись – от своей судьбы не уйдешь, – сказал Хельги и объяснил: – Я с кораблем разговаривал. Я ему говорил: «Счастливый путь, Верный. Мчись по волнам, бей в чело и в зубы, в щеки и в подбородок злую женщину, ломай ноги у чародейки!»

– А кто эта чародейка? – спросил Флоки.

– Буря. Кто же еще! – отвечал Хельги.

Тут надо сказать, что с той поры корабль, на котором плавал Хельги, стали называть *Верный*. И постепенно с корабля прозвище перекочевало на его командира – *Верный, Надежный; Трувард* на языке рогов.

Трудно далось это плавание Хельги и его спутникам.

А когда вернулись в Эйрикстадир, Нефьольф, конунгов казначей, взял у Хельги кошель с собранными деньгами, высыпал их на щит перед конунгом, некоторое время рассматривал, а потом говорит.

– Я думаю, что здесь собраны все самые никудышные денежки, которые нашлись на острове. Я, конунг, для тебя таких денег не взял бы.

Эйвинд кривил рот и молчал.

– Позови сюда кого-нибудь, чтобы их взвесили, – предложил Хельги.

Эйвинд безмолвствовал.

– Что ты тут раскомандовался? Надо будет – взвесим, – сказал Нефьольф.

И снова конунг промолчал.

– Мы так рисковали во время плавания. А он даже не поблагодарил тебя. Ясное дело, тебя оговорили, – объясняли потом Вестейн и Кари.

– Оговорить можно того, кому нет доверия, – сказал наставник Эндот.

Всю зиму, однако, конунг Эйвинд был с Хельги приветлив, на пирах сажал его рядом с собой и улыбался ему своим кривым ртом.

А когда наступила весна и открылась навигация, велел приемному сыну взять корабль и отправиться в дальнее плавание к Северным островам, сообщив, что казна его оскудела и ее надо пополнить.

По дороге Хельги было велено заехать в Фарсунд и там получить дополнительные указания от Кьётви Богатого, ярла Западного Агдира.

У Сульки и Соти теперь было по боевому кораблю, и они долго упрашивали отца, чтобы тот отпустил их вместе с Хельги. Но Эйвинд им снова наотрез отказал. Вместе с Хельги отправились Вестейн, Кари и Флоки, а также Рафн, у которого еще в начале зимы зажило бедро.

В Фарсунде ярл Кьётви Богатый не сразу принял Хельги. Так случилось, что как раз в это время в Фарсунде гостила Аса, правительница обоих Агдиров, и Кьётви, ясное дело, ни на шаг не отходил от хозяйки. Лишь на третий день Кьётви выкроил время, чтобы призвать к себе Хельги и дать ему деньги для Кетиля Плосконосого, который командовал на Гебридах.

На следующее утро Хельги уже собирался отплыть, когда вдруг прибежал человек и сообщил, что Хельги желают видеть.

– Кто?

В ответ на вопрос слуга лишь запрокинул голову и воздел руки к небу.

Хельги привели в длинный дом и усадили за стол, за которым сидели человек десять нарядно одетых людей. Во главе стола восседала Аса, причем сидела она на мужском высоком кресле хозяина, а Кьётви ярл сидел на *противоположном месте* для почетных гостей. Хельги усадили в конце стола и дали ему пить и есть. Аса даже не смотрела в его сторону, беседуя по очереди то с одним, то с другим из сидевших. Когда беседа заканчивалась, сидевший вставал и уходил. Так продолжалось до тех пор, пока за столом не остался один Хельги. Только тогда Аса на него посмотрела, но ничего не

сказала, встала и вышла из застолья. А Хельги вернулся на корабль, потому что никто его не задерживал.

И снова ему не дали отплыть. Едва он поднялся на борт, снова прибежал какой-то слуга и сообщил, что Аса приглашает Хельги на вечернюю трапезу. Пришлось во второй раз отложить отъезд.

Вечером за столом было в три раза больше людей, еще более нарядных. Хельги, хотя и приоделся в самое дорогое свое платье, выглядел среди них, как бонд среди ярлов. Но мало кто обращал на него внимание. И всех менее – Аса.

Пир шел к концу, когда к Хельги подошла пожилая служанка и велела встать из-за стола и следовать за ней.

– Куда? Зачем?

На эти вопросы служанка не ответила.

Привели его в горницу и тут же заперли дверь снаружи.

Через некоторое время дверь отворилась и вошла Аса.

– Мне о тебе рассказывали, – сказала она. – Говорят, ты осиротел и у тебя нет отца.

– Меня воспитал конунг Эйвинд. Он называет меня своим сыном, – ответил Хельги.

– Не смейся меня. Какой он тебе отец! – сказала Аса.

Хельги не знал, что на это ответить. Аса же заперла дверь изнутри и сказала:

– Этой ночью будешь спать со мной. Нам надо с тобой познакомиться.

– Как вам будет угодно, – ответил Хельги.

Хельги в ту пору едва исполнилось восемнадцать. Асе было сорок семь, но выглядела она моложе. На ней было красное платье, а на платье богатые украшения. Сверху на ней была пурпурная накидка, донизу отороченная кружевом. Волосы у нее были не длинные, но густые и красивые.

Постель, на которую они легли, была с пологом из драгоценной ткани и с роскошными покрывалами. Когда Хельги разделся и лег, Аса наполнила его кубок заморским вином, которое редко подавали за столом у Эйвинда конунга.

Наутро Аса сказала:

– Ну вот, познакомились. Попробуем теперь подружиться.

– Как вам будет угодно, – снова сказал Хельги.

– Завтра утром я возвращаюсь в Харальдстадир. *Мне угодно*, чтобы ты поехал со мной, – сказала Аса.

Хельги возразил, что конунг Эйвинд послал его к Северным островам.

– Это он для тебя конунг. А для меня – послушный слуга, – сказала Аса.

– Но он дал мне людей и корабль, – продолжал возражать Хельги.

– Я дам тебе столько кораблей, сколько тебе понадобится, – говорит Аса.

– Но на причале меня ждут друзья.

– Возьми с собой тех, без кого не можешь обойтись, а остальные пусть выполняют приказ этого Эйвинда.

– Как вам будет угодно, – еще раз повторил Хельги.

– Матери у тебя тоже нет, – сказала Аса, разглядывая Хельги. – Люблю сирот. С юных лет сама сирота.

Она отперла дверь и велела служанке, той самой, которая привела Хельги в горницу:

– Скажи тем, кто нас видел, что им не поздоровится, если они не будут держать язык за зубами.

Тут они расстались. И Хельги пошел к кораблю.

У Рафна от удивления, что называется, глаза на лоб полезли, когда он узнал, что Хельги приказано остаться в Агдире и главным вместо себя назначить его, Рафна.

С Хельги не захотели расстаться Вестейн и Кари, а Флокки выразил желание продолжить плавание к Северным островам.

На следующий день Аса и Хельги отправились в Харальдстадир. Корабль у Асы был роскошный. Вытесанный из высокого, стройного дуба киль имел такую форму, что основной вес приходился на середину корабля, а заостренные концы киля облегчали скольжение по волнам. Шпангоут был сделан из твердого дуба и состоял из деревянных планок природной кривизны. Поверх шла обшивка из дубовых планок, оплетенных для пущей прочности веревками из еловых корней. Хельги уже научился разбираться в боевых кораблях и по достоинству оценил работу корабельных мастеров.

Житие Руси

– Девочка наша, Русь, как мы сказали, родилась в середине девятого века от Рождества Христова, – начал Профессор, глядя на Ведущего и к нему одному обращаясь. – Как у всякого живого существа, у нее были родители. Отцом ее был норманн, не важно какой – швед, норвежец или датчанин. Мать была смешанных кровей: наполовину финно-угорка, а другой половиной – словенка. От бабушки, норманна – или варяга, если вам так будет понятнее, – девочка унаследовала храбрость и воинственность. От матери – противоречивый букет: с одной стороны, словенские творческое вдохновение и лицедейское свободолюбие, а с другой – угорские трудолюбие и поразительное терпение. И сразу должен отметить, что эти три базовые и такие разные крови – норманнская, словенская и угорская – будут постоянно спорить друг с другом, искушая, дергая нашу героиню в разные стороны, иногда прямо противоположные.

Профессор грустно вздохнул. Ведущий воспользовался паузой, чтобы спросить у Драйвера:

– Ни разу не клюнуло?

Петрович за рулем катера покачал головой, буркнул себе под нос что-то угорское и не потрудился перевести.

Трулль достал из шкафчика бутылку пива, ловко откупорил ее и услужливо протянул Профессору. Увлеченный мыс-

лями, Андрей Владимирович машинально принял бутылку из рук телезвезды и, не поблагодарив, продолжал:

– Историки и раньше, и до сих пор спорят, можно ли все-таки относиться к нашей древней истории. А мы с вами давайте так скажем: не важно, что нам другие люди рассказывают, а то судьбоносно и важно, что мы сами в памяти сердца своего сохранили. И что в этих воспоминаниях главное! Полагаю, почти все со мной согласятся, что в первое десятилетие жизни девочки Руси таким главным и судьбоносным событием-воспоминанием было ее крещение. Крестилась она в семилетнем возрасте и, вне всякого сомнения, *сердцем*, потому что крестителем был один из первых русских святых, святой князь Владимир. И в *Сердце* сразу два таинства совершились: крещение и венчание с Ним, Истинным ее Женихом – Спасителем и Владыкой! А крестной была Богородица.

– Ну вы даете, профессор! Вы еще и поэт! – не удержался Петрович.

Сенявин даже не глянул в его сторону и продолжал:

– Однако *Плоть* Руси, от отца и матери унаследованная, была слишком языческой. К тому же еще до крещения, после того как Хельги-Олег подчинил себе Кенугард-Киев, началось чудовищное смешение кровей. Ведь Киев был своего рода отстоем Великого переселения народов. Веками Азия двигалась в Европу, и чуть ли не каждое племя, вернее, его пенные ошметки, отбрасывало и прибывало к Киеву, где они

оседали и перемешивались... Американцы называют себя *melting pot* – «плавильным котлом». Но по сравнению с нашим котлищем у них, господа, котелок, кастрюлька, почти новенькая!

– «Кастрюлька» у американцев! Браво, профессор! – теперь Ведущий не удержался. Сенявин же невозмутимо вещал:

– Взрослого *Разумения* у девочки, ясное дело, не было, и различные желания толкали ее в разные стороны. Историки называют это княжеской междоусобицей. *Душа* Руси металась между севером и югом, между Новгородом, Киевом и Владимиром и еще сильнее – между чистым христианским Сердцем и взрослеющей плотью, наливавшейся земляной языческой силой. С биологической точки зрения дело, по сути, обычное; с такой-то гремучей наследственностью! И девица уж больно приметная и желанная. Многие на нее стали заглядываться, разные женихи стали являться и притязать. Шведа и германца Русь наша без труда отохотила. Но с Востока нагрянул Хан, сладить с которым тогда даже китайские императоры не могли. Хан ее, сладкую и разнузданную, сначала изнасиловал, а затем взнуздal и сделал своей наложницей.

Сенявин поднялся, взял из шкафчика стакан, налил в него пива и с жадностью к нему приложился.

Трульль что-то разглядывал в смартфоне.

Митя смотрел в сторону берега, где туман уже не дымил-

ся, а на полянах сгустился и уплотнился.

Почти опустошив стакан, Профессор заговорил:

– Сие произошло, когда, по нашему биологическому исчислению, Руси едва исполнилось двадцать два года... Хан был первым *сожителем* Руси. Историки называют это мужское господство монголо-татарским или ордынским игом. На мой взгляд – и на взгляд некоторых других вдумчивых историков, Ключевского например, – он был самым благоприятным сожителем для Руси. Хоть и крут, и жесток был, но держал при себе много наложниц, так что ездить к нему и ему отдаваться надо было лишь изредка. На Сердце и ту часть Души, которая к Сердцу привязана, Хан не претендовал. Требовал лишь, чтобы молились за его здоровье и благополучие. А в целом на христианскую веру не покушался, церкви не разрушал и новые разрешал строить. При нем, при Хане, расцвело русское православие. Множество святых людей объявилось, дабы свидетельствовать о Христе: от благоверного князя Александра Невского до великого нашего святого подвижника Сергия Радонежского, учителя и наставника многих других угодников и основателей божьих обителей. Храм Веры в Сердце Руси окреп и вознесся, и церкви земные к нему радостно прилепились. До него, до Хана, когда Русь свободной была, в своей свободе часто вредно безумствовала. А тут волей-неволей пришлось ей за ум взяться. Один за другим во главе русского державного *Разумения* встали Даниил Московский, Иван Калита, Дмитрий Донской, Влади-

мир Андреевич Храбрый и другие достойные правители-воины. Плоть свою Русь многократно расширила и укрепила: от Смоленска до Пермского края, от Белого моря до Путивля. Три главные русские крови – норманнская, словенская и угорская, – которые раньше друг с другом ссорились, теперь примирились, и норманнская стала бесстрашно громить врага, угорская – творить чудеса выносливости и терпения, а словенская их творчески вдохновляла. Пока наконец не созрела великая мысль окончательно сбросить ханское иго и прогнать старого насильника. Мысль эту, как вы догадываетесь, историки называют Иваном Третьим, или Великим. По их летосчислению произошло сие в тысяча четыреста восьмидесятом году. Руси же тогда исполнилось тридцать шесть лет. Это была уже давно взрослая и сильная женщина. Она теперь носила другое имя – Московия... И у нее появился новый сожитель. Он давно присматривался к Руси, но подступать к ней стал, когда Хан уже совсем одряхлел.

Сенявин допил остатки пива и, похоже, собирался вновь наполнить стакан. Но Драйвер вдруг выпрыгнул из-за руля, отнял сосуд и обслужил в мгновение ока.

– И кто этот новый сожитель? – спросил Ведущий, потому что Андрей Владимирович держал в руках полный стакан, глядел на него и хранил молчание.

Профессор отхлебнул из стакана и стал объяснять:

– Я буду называть его Ромеем. Потому что *ромеями* называли себя жители Византии. А новый сожитель Руси-Моско-

вии был духом из этих краев. Он, этот Ромей, считал себя прямым потомком римских императоров и русского Рюрика объявил четырнадцатым коленом от Августа, кесаря римского... «Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать». Вы это, наверное, слышали?.. Считая себя римлянином, Ромей на самом деле, как мы вчера говорили, был, скорее, вавилонянином. Тогда-то и приползла к нам из Византии-Вавилонии и поселилась в русском политическом болоте многоголовая Гидра – все эти «подлокоточки», спальники, столыники, которые со всех сторон окружили царя, яко пауки, оплели его властной своей паутиной; яко тарантулы, ядом своим стали травить державное Разумение; яко аспиды, расползлись по Плоти народной... Мы об этом тоже вчера упоминали... Мало того! Ромей и его прихлебатели вознамерились подчинить себе самое Сердце Московии – ее Православие, подмять под себя церковь и ее в слугу превратить. До Сердца им было, конечно же, не добраться. Потому как, напоминаю, там истинно верующие люди живут, перед любыми напастями устоят и греха к себе не подпустят. Иное дело та часть Души, где земная церковь находится. Она и от разума-власти, и от плотских земных желаний куда менее защищена. Она, паства народная, частично уступила этому ромейскому вожделению, а частично стала от него защищаться. Но вера ее затуманилась. В этом душевном тумане возникла иная Троица... Не знаю, поймете ли? Потому что тут требуется богословская подготовка... Вместо Бога-Отца из

тумана явился древний бог Саваоф, суровый, грозный своим Страшным судом и бесконечно далекий от страждущего человека, ни в коей мере не Отец ему... На место Господа нашего Иисуса Христа встала Пресвятая Богородица, кроткая и милостивая наша Заступница. А вместо Духа Святаго – тот самый греческий бог Дионис, который в Фивах родился, но в Индии, на горе Ниса, воспитывался... Вон, полюбуйтесь!

Профессор указал в сторону берега, который в этот момент полностью заволокло туманом. Туман походил на тонкую марлю, в которой то проступали, то исчезали деревья.

– В тумане прежнее Православие растворилось. А выступило нечто иное – на первый взгляд вроде бы прежнее христианское, а ежели приглядеться – языческое, азиатское, дионисийское, но в русские цвета окрашенное... От этой, с вашего позволения, русской троицы, в Душу Московии потекли как бы три реки. От Отчима-Саваофа – великая русская тоска и бездомная неприкаянность. От Матери-Богородицы – вселенская нежность, трепетная женственность, даже в самых отважных и мужественных душах, и милосердное всепрощение, которое часто оборачивается вседозволенностью. А от Диониса, предводителя безумствующих женщин, любителя неожиданных метаморфоз, бога трансовых возлияний, в Византии – юродивого, на Руси – скомороха... С той поры пошло у нас пьянство именно дионисийское – не от радости, а от тоски, не для веселья, а чтобы забыться, уйти от тяжелой и унижительной жизни. Пьянство почти ли-

тургическое... Господи, прости меня грешного!.. Но ведь Матушка-Заступница, русская наша Богородица, во-первых, все нам простит в надмирном своем милосердии. А во-вторых, разве не она когда-то велела Сыну своему превратить воду в вино, чтобы гости на свадьбе могли вдоволь напиться. Его *первое* чудо!..

Сенявин замолчал и гневно уставился почему-то в спину Петровичу. А тот обернулся и спросил:

– Может, прикажете водочки налить?

В ответ на эту бестактность одна из бровей Профессора поползла вверх. Петрович же испуганно заморгал и пояснил:

– Вино на пиво – диво!

Брезгливо скривив губы, Андрей Владимирович отвернулся от Драйвера и, глядя на Трулля, объявил:

– Не только, говорю, пьянство. Но также русское юродство – как реакция Сердца на грех Души – и чухонское вертлявое шутовство! У нас от этих безобразий и Смута возникла.

– Смута?! – удивился Александр. – Вы имеете в виду историческое Смутное время?.. Простите, я не ослышался?

– Не ослышались, – отвечал Профессор. – Пьянство менадовое ведет к тому, что точнее всего было бы назвать, простите за грубое слово, *блядством*... Но мы давайте будем соблюдать приличие и именовать его *блудом*... Хотя со строго научной точки зрения... Блуд, во-первых, слишком общее понятие, а это другое на «б» – намного конкретнее. Во-вторых, блуд понятие интернациональное, а наше русское бляд-

ство – черта национальная и типическая. Недаром наша народная речь без этого «б» – междометия как бы немеет... И наконец, блуд у других народов – понятие, как правило, негативное. А у нас *блядство, блядует, блядун*... Вы попробуйте душевно вслушаться в эти родные слова!

Петрович на каждую фразу Профессора радостно кивал и беззвучно шевелил губами.

Сенявин на него вновь презрительно глянул и решительно объявил:

– Одним словом, договорились, и Смутное время будем называть Русским блудом!.. К этому при Ромее-сожителе всё неизбежно шло. Разумение, как мы помним, призвано управлять национальной Душой и Плотью. А это управление с каждым последующим управителем было все менее, я бы сказал, разумным. Иван Грозный, конечно, крутым и могучим царем себя нам явил и русскую Плоть на Восток заметно расширил. Но слишком *ромействовал*: святого митрополита Филиппа изгнал и казнил, пьянствовал и безобразил, *разумных* своих так часто и кроваво перебирал, что в голове государства кровоизлияние произошло. Сперва к власти больной выродок пришел. Следом за ним – Годунов, незваный и *хуже татарина*... Простите за каламбур, если вы его поняли... Еще при Федоре Годунов поставил Руси первого ее патриарха. Но разве мог он, Иов, ромейский и карманный, ее образумить. Душа менадовая становилась все более бессознательной и в эту бессознательность утешительно погру-

жалась. Плоть угнетенная, изголодавшаяся рвалась на свободу, навстречу спасительному пьянству и радостному блуду... Она ведь в блюде норманнском, на пути волжском зачата была и свое путевое происхождение всегда помнила...

Профессор перевел дух и продолжал:

– Историки совершают ошибку, когда пытаются рассматривать Смутное время как внешнее насилие над Русью. Еще Сергей Соловьев, наш великий историк, на это указывал. А я вам так, господа, заявляю: она сама, сорокатрехлетняя Русь-Московия, этот блуд учинила и радостно ему предалась. Она, как только явилась возможность, прогнала своего Ромея-сожителя и в безмужний загул ударилась. Народ, конечно, страдал. Но он всегда страдает в ее непомерной и разнузданной Плоти. Она этой блудной свободой радостно упивалась. Разных Лжедмитриев себе измыслила, и они ей были роднее ромейских правителей, Годунова и Шуйского. Из русской плоти повыскакивали вечно пьяные и неистовые казаки. Они-то и кипели, и безумствовали в ее разгульном естестве. А всякие там поляки, литовцы, шведы и прочие немцы были как оводы, которые жарким летом мешают вождедеющим парам насладиться друг другом на воле... Они лишь жалили в голые задницы маринок и митек и еще пуще разжигали блудливое желание. Серьезной опасности они не представляли. Кому было нужно их католичество, в которое они собирались обратить Московию? Русь от этой чужой веры отказалась еще в своей юности, наголову разбив и

шведов, и немцев. Их якобы польские правители, эта шайка трусливых разбойников, – да бросьте, господа историки, они нашим русским курам всегда были на смех!.. Опасность представляла лишь сама Матушка-Русь, которая эту смуту затеяла и в нее погрузилась. И когда она это осознала... Вернее, когда сначала Плотью ощутила, затем Душой почувствовала, что свобода для нее губительна и надо обратиться за помощью к Сердцу.

Профессор огладил усы и уточнил:

– Плоть родила Земское ополчение и выдвинула Кузьму Минина. От Сердца им в сретение снизошел и возглавил князь Дмитрий Пожарский, по мне, святой человек, хоть и не канонизированный официально. Шведов и полячишек Русь выблевала из себя – да, тяжело и болезненно, с кровавым поносом. Но от чужой заразы и собственного пьяного отравления очистилась.

Сенявин принялся оглаживать бороду и продолжал:

– Ромей вернулся и с ним Романовы: Михаил, Филарет и Алексей Михайлович, правители, понятное дело, ромейские, но, в отличие от прежних выродившихся Рюриковичей, свежие, полные сил и на своем горьком опыте познавшие, что такое в Московии смута и блуд. Как умели, принялись восстанавливать прежний порядок: залечивать раны на Плоти, взнуздывать ее одичавшие желания, устроить Душу, приближая ее к православному Сердцу... И тут при Алексее Михайловиче выздоравливающей Руси был послан чело-

век, про которого Ключевский говорит: из русских людей не знаю человека крупнее его. Великий святой человек. О нем много рассказней разные псевдоисторики сочинили. И церковь нашу он до сих пор святым не признан. Но этот великий святой человек явился из самого нашего Сердца и был человеком Храма... Родился он там же, где и Минин с Пожарским – на спасительной Нижегородской земле. И звали его тоже Минин, но не Кузьма, а Никита, «Победитель» – чем не перст Божий! В прославленном Соловецком монастыре принял он другое победное имя – Никон. Московии едва исполнилось сорок четыре года, когда Никон повстречался с Алексеем Михайловичем. Он так молодому царю полюбился, что через три исторических года стал Новгородским митрополитом, а еще через три года – обратите внимание на эти троицы! – Патриархом Московским. К этому титулу он скоро прибавил наименование «Патриарх всея Великия и Малыя и Белья России», потому как при нем состоялось историческое воссоединение Московской Руси с Киевской Русью, некогда отторгнутой польско-литовскими захватчиками. А следом и Белоруссия присоединилась к Московии. Окрепла и еще более расширилась ее Плоть... Но главным своим поприщем, промыслительным послушанием он, Никон, полагал возвращение к исполнению Первой Христовой заповеди: «Возлюби Бога всем сердцем своим и всем разумением своим!» То бишь Разумение, или власть мирская, Бога должна любить и путями за *первоназванным* Сердцем следо-

вать, а не себя превозносить. Духовную власть Никон сравнивал с солнцем, а царскую власть – с луной, которая своим сиянием обязана солнечному свету... Сказано также: «Возлюби Бога всей душою своею». И вот, дабы лучшую часть русской Души соединить с верующим Сердцем, земную церковь от ромейского дионисийства и дурманного язычества освободить и к Храму Господню приблизить, святейший Никон праведные монастыри стал строить, из которых Воскресенский, Новоиерусалимский самый известный и самый показательный, ибо об Иерусалиме и Иордане свидетельствует. Мало того, благочестивый и христоролюбивый Никон провел поистине очистительную православную реформу... О ней много книг написано и до сих пор споры ведутся. Но я вам скажу, дорогие мои: одно то, что разного рода раскольники, языческие самосожженцы, двуперстники и двугубцы – число «два», да будет вам известно, число сатанинское! – против этой реформы ощерились и окрысились, одно это говорит за то, что Никонова реформа была великой и праведной и в светлое, радостное Царство Христово вела, а не в купель огненную, к иконам замшелым и рясам полуистлевшим от старости... За то и принял мученичество. В году тысяча *шестьсот шестьдесят шестом* от Рождества Христова – *число зверя* слышали? – церковный собор лишил Никона патриаршества и сослал сначала в Ферапонтов, а через год – в Кирилло-Белозерский монастырь... Пятнадцать лет Никон пробыл в ссылке... Руси исполнилось сорок восемь лет.

Сенявин опустошил стакан и закрыл глаза.

Трулль восхищенно прошептал:

– Про Никона гениально! Я такого ни у кого не встречал!

Браво, профессор!

Андрей Владимирович один глаз приоткрыл и как бы недоверчиво покосился на Александра.

– Про Петра, наверно, еще интереснее будет! – продолжал восхищаться Телеведущий.

На выдвижной столешнице шкафчика Профессор увидел полную рюмку водки и задумчиво произнес:

– Боюсь, разочарую вас... О Петре почти каждый высказывался, и столько разного написано, что ничего нового не скажешь.

Трулль проследил за взглядом Профессора и тоже заметил рюмку на столешнице.

– И все-таки: Великий или Антихрист?!

– Могу лишь внести некоторые уточнения, – стал отвечать Сенявин, как бы без всякой охоты. – Во-первых, еще до Петра, при Тишайшем, с Запада потянуло сильным ветром. И уже при Софье у Московии появился новый «жених». Я буду называть его Германцем, потому как к *Германцу* можно отнести и немцев, и голландцев, и англичан, и даже французов с итальянцами – во всех из них в той или иной степени течет германская кровь... Наша родная норманнская составляющая, пресытившись словенским блюдом, радостно встретила этого новоявленного, и когда Петр, справившись с сест-

рицей, пришел к власти, Германец уже сильно потеснил Ромея. Хотя первое время Петр дионисийствовал и шутействовал – чего стоят одни его Всепьянящие соборы!.. Теперь о том: Великий или Антихрист. Почему непременно надо выбирать из двух наименований? Почему бы не допустить, что он, Петр Алексеевич, был и тем и другим?.. Великий – безусловно!.. Антихрист?.. Нет, предтеча Антихриста. До настоящего Антихриста еще двести исторических лет было. А в 1666 году с изгнанием святейшего Никона в Плоть Московии было брошено... «семя Зверя» – давайте так скажем... Или помните? у «нашего всё», у Пушкина: «Его глаза сияют. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен. Он весь, как Божия гроза»... Велик, прекрасен и ужасен одновременно! Этим все сказано!

Говоря это, Профессор смотрел на озеро. А когда снова глянул на столешницу шкафчика, то увидел, что стакан опять полон пивом.

Трулль это также заметил. И спросил:

– Петрович, это ты наливаешь профессору?

– Ты хочешь, чтобы я тебе тоже налил? – не оборачиваясь и глядя по курсу лодки, ответил Драйвер.

– Боже упаси!.. Я просто не видел, как ты это делаешь.

– Как делаю, как делаю... Как у Пушкина. «Движенья быстры. Я прекрасен», – сострил Драйвер.

Сенявин тем временем то поднимал стакан с пивом, то ставил его обратно рядом с рюмкой водки.

– Дождавшись смерти патриарха Адриана, – стал продолжать Андрей Владимирович, – Петр вообще отменил патриаршество и фактически, как я, помнится, вчера говорил, стал создавать своего рода Русскую Императорскую Церковь, на православной основе, но с иерархией почти протестантской. Ромей до этого лишь командовал патриархами – Германец поставил себя на их место... Затем принялся германизировать свою Гидру. Ближайшее свое окружение переселил в невские болота, чтобы оторвать от ромейской Москвы, передел в германские одежды, ввел германский воинский строй, завел разные ассамблеи, плезеры и политес. Оттуда, с болотной окраины, принялся всю прежнюю Московию германизировать и *гидраизировать* – оцените каламбур! Раз Гидра, значит, флот должна занять, чтоб шведу нос утереть и Англии букву сделать... Воровали и безобразили они по-прежнему, по-русски, но одеты теперь были в иностранные одежды, минхерцами и камерадами себя величали. И девица Русь, матрона Московия стала теперь Россией-империей!

Профессор схватил стакан, поднес к губам, но снова поставил на столешницу.

– Рассказывают, что однажды за обедом Петр сказал Варваре Арсентьевой: «Бедная Варя, ты слишком дурна. Не думаю, чтобы кто-нибудь пленился тобою. Но я не дам тебе умереть, не испытавши любви». И тут же повалил Вареньку на кровать и исполнил свое царское обещание... Так он и к российской Плоты относился. А европейским монархам объ-

яснял: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами. С русскими – не так»... Думаю, он сказал: «С этой сволочью». Но переводчики решили не переводить.

Произнеся слово «переводчики», Профессор впервые посмотрел на Митю. Но тот сидел с закрытыми глазами.

– Болотная Гидра все более онемечивалась и офранцуживалась. Самодержцы усердно женились на немках, дворянство и бюрократия пополнялись разного рода иноземцами, иногда бродягами и проходимцами, а русская армия встревала во все крупные европейские войны. Дошло до того, что доблестный генерал Ермолов однажды в сердцах попросил государя «произвести его в немцы»... К тому же, подозреваю, Петр своей властной и жесткой мужественностью, которой так не хватало Бердяеву, настолько утомил Россию, что она после него в течении почти столетия себя одними женщинами *разумела*. Век императриц начался. Две из них мужей не имели и блудили в собственное удовольствие. Третья мужа быстро угробила и блуд свой возвела в своего рода *государственное учреждение*, потому как ее любовники – виноват, фавориты – заменили собой и государственные коллегии, и дворцовые канцелярии, и верховное главнокомандование. Чего стоит один Григорий Потемкин, многих наших венчаных правителей превзошедший своими политическими и управленческими талантами. Знала матушка Екатерина, с кем ложе делить. Этого у нее не отнимешь... Сама

же Великодержавная Блудница, на спине Германского Зверя воссевшая, по образному выражению Ключевского – лучшего нашего исторического портретиста, – «была вся созданием рассудка без всякого участия сердца», являла собой «не то византийскую, не то буддийскую куклу самодержавия, увешанную пестрыми церковными и политическими титулами»... От этой безусловно Великой, но Куклы, ничего путного произойти не могло. Сынка своего, Павла якобы Петровича, она сама в грош не ставила. И его, курносого Павлика, вскормленные Матушкой *разумники* вскорости пристукнули и придушили. Внук Матушки, Александр Павлович, в этом убийстве участвовал и своим участием до смерти был напуган. Полагаю, что у него с годами развился комплекс отцеубийства. И мстил ему сам Аполлон. Призрак отца убиенного заставил его бежать в Таганрог, где он странно и преждевременно умер... Брату его, Николаю Первому Павловичу, от Стреловержца тоже досталось: вначале – восстание декабристов, а под конец – позорная Крымская война. И смерть также загадочная, похожая на самоубийство... О злосчастном сыне его, Александре Втором Николаевиче, стоит ли напоминать? всю жизнь разрывался между желанием реформировать Плоть великой России и ужасом перед этими реформами. И вот результат – его самого на куски разорвали на Екатерининском канале... Его сын, Александр Третий, казалось бы, являл собой исключение из череды преследуемых: крепким и твердым в решениях был человеком. Но сына ро-

дил никудышного, чучело огородное, порченного мальчика, по моим подсчетам, с одной сто двадцать восьмой русской крови. Глупая немка им, алкоголиком, управляла под диктовку хлыста Распутина.

– Ай-ай-ай, дорогой профессор! – подал голос Ведущий. – Не страшно вам, верующему человеку, так отзываться о святых людях? Ведь, если мне память не изменяет, Русская Православная Церковь и Николая, и супругу его лет десять назад канонизировала!

Сенявин ничуть не растерялся. Огладив бороду и грустно усмехнувшись, он возразил:

– Во-первых, дорогой Александр, «чучелом огородным» и «мертвецом в живой обстановке» Николая назвал все тот же Ключевский. А ваш тезка, государь император Александр Третий Александрович, указывая на своего отпрыска, как-то заявил, что его жена, Датская Дагмар, дескать, породу испортила... И потом, господин ведущий, позвольте заметить, что Николай Второй церковью нашей *страстотерпцем* был поименован. Они ведь разные, страстотерпцы бывают. Царевич Дмитрий, например, в 1606 году канонизированный, вообще был, мягко говоря, ненормальным ребенком: падучей страдал и над животными издевался.

Трулль отвел глаза в сторону и увидел, что рядом со стаканом пива и с рюмкой водки непонятно откуда появилась теперь мисочка с маринованными грибочками.

Сенявин, однако, этой чертовщины не мог заметить, по-

тому что не отрывал взгляда от Телеведущего.

– Все это, как говорится, лишь полбеда, – увлеченно продолжал Андрей Владимирович. – А главная беда в том, что Сердце России, Храм ее Православный, еще сильнее отдалился от верующей души, от земной церкви. На самой вершине, помните, «византийская кукла без участия сердца» и следом за ней – сначала магистр Мальтийского ордена Павел Петрович, затем масон Александр и прочие «увешанные пестрыми церковными титулами». Внизу же – Емелька Пугачев с пьяными казаками и разной татаро-угорской нечистью кроваво дионисийствует; Хома Брут на панночке скачет, а потом в глаза предводителю гномов, Вию, заглядывает. Чичиков, понимаешь, разъезжает по нашей многострадальной, мертвые души покупает. А его добрые люди спрашивают: «Почем купили душу у Плюшкина?» В какой еще литературе вы встретите эдакие духовные одиссеи?!

Тут и Профессор заметил грибочки.

– Ах ты, подлый карел! – закричал он в спину Петровичу. – Поймал-таки момент. Я как раз к нашему сокровищу подбирался!.. Пропади я пропадом, если я за него водки не выпью!

Сенявин схватил рюмку и опорожнил ее мгновенным движением. И столь же стремительно и ловко подцепил вилкой (там и вилка лежала) маринованный грибок и закусил им, блаженно прикрыв глаза. А следом, вновь глядя на Трулля и к нему одному обращаясь, стал объяснять, возбужденно и

сбивчиво:

– Помните, Саша, мы определили душу, как нечто мятущееся между сердцем, разумением и плотью? У нас это метание всегда было огромным и яростным. Шире и острее, чем у других народов. Мы никогда ни о чем друг с другом договориться не могли, у нас по любому поводу – споры и драки. Отсюда и родилась великая русская литература! От Сердца шла эта величайшая в мире художественная полифония. Она потому и величайшая, что от русской веры, исповеданная и причащенная нашими святыми – Серафимом Саровским и Оптинскими старцами. С состраданием христианским, с евангельской почти любовью к тому, что потом критики обзовут «маленьким человеком». А на самом деле... – Профессор покосился в сторону пива и, не досказав о том, что «на самом деле», продолжал: – Тут наша славянская кровь, наше великое, мятущееся между Богом и дьяволом творческое начало о себе заявило, выплеснулось на свободу и разлилось по просвещенному миру поистине волжским половодьем! Уже ради одного этого, Русского Золотого Века, стоило жить и страдать России! Наша великая литература, если угодно – путь к Храму не только для нас, русских, но и для всех истинно верующих!

Профессор схватил стакан с пивом и жадно отхлебнул из него, хотя уже стояла и ждала его новая рюмка с водкой.

Воспользовавшись паузой, Труль восхищенно заметил: – Bravo, профессор! Очень красиво и наконец-то пат-

риотично... Славянское начало. А то всё греки, немцы какие-то...

– Спасибо за высокую оценку, господин ведущий, – поблагодарил Трулля Сенявин, вытирая пивную пену с усов. – Но боюсь, мне придется вас огорчить. В пятидесятипятилетнем своем возрасте, то есть в начале девятнадцатого века, у России еще действовало то, что мы с вами называли Крепостью, или иммунной системой. И когда на нас напал величайший из полководцев Наполеон Бонапарт, его, как и шведского Карла, Россия сожрала великой Плотью своей. Но постепенно российская Крепость стала ослабевать. Износились и зашатались два наших кроветворных столпа: дворянство и крестьянство. И навстречу этому разрушению – вырождение и озлобление. Столыпин пытался остановить злокачественный процесс. Но его пристрелили в театре. Он, несчастный Петр Аркадьевич, как потом наши бабушки, несколько раз повторял: «Лишь бы не было войны». Но она пришла, страшная и гибельная!

Профессор осушил до дна стакан с пивом.

– Россия свою германскую Гидру долго терпела, целых тринадцать лет, то есть более двух веков. Но, когда эта Гидра втянула ее, больную и пожилую, в мировую войну, обескровила Плоть и Душу, терпение лопнуло. Кроветворная идея «православие – самодержавие – народность» перестала спасать. Ибо какая, к черту, «народность», когда от земли оторвали и на бойню отправили! Какое, к псам, «са-

модержавие», которое только мучить умеет и войны одна за другой проигрывать! Какое, к лешему, «православие» – оно лишь где-то в горних пределах истинное сохранилось, в сердцах-светлячках, которые светят, но Душу народа разве способны согреть! А попы-чиновники, едва на них взглянешь... Помните, у Достоевского? «От такой картины и вера может пропасть»... И пропала! Так страшно пропала, что за топоры взялись и на церковь пошли тысячи, сотни тысяч когда-то искреннее веровавших!.. Германскую Гидру всей страной из петербургского болота радостно вытащили и головы ей стали отворачивать, начав с царя-алкоголика... «От Дана слышен храп коней его», предупреждал нас пророк Иеремия... У Блока, чуткого нашего поэта, помните? «Так идут державным шагом – позади – голодный пес. Впереди – с кровавым флагом... в белом венчике из роз – впереди – Исус Христос». Сатанинский Исус с одной «и»!..

Самолично сын блудницы и отца из колена Данова. Лже-Мессия, имеющий злую сущность, но выдающий себя за спасителя униженных и оскорбленных, ограбленных и эксплуатируемых, безземельных и истощенных войной. Антихрист имя ему... Что бы там ни говорили некоторые мои коллеги, Россия-матушка радостно приняла и впустила в себя нового своего Сожителя! Она его давно ожидала.

Профессор опрокинул новую рюмку водки и закусил соленым огурчиком; эти огурчики незаметно появились рядом с грибами на откинутой столешнице. Речь его становилась

все более сбивчивой.

– У пророка Иезекииля и в Откровении Иоанна Богослова Антихрист иногда предсказывается в виде Гога и Магога. И произойдет это по окончании тысячелетнего царства!.. Как видите, и тут совпадение. России к этому моменту уже тысяча лет исполнилась, и в Новгороде памятник воздвигли... Стало быть, Гог и Магог. Они все время вместе упоминаются. Как Маркс с Энгельсом. Или как Ленин со Сталиным. И я, с вашего разрешения, нашего российского Антихриста тоже позволю себе раздвоить. Он, Антихрист, и должен двояться.

Профессор переместился еще ближе к шкафчику и принялся за грибки.

Труль одним глазом следил за ним, а другим – за Петровичем. И наконец-то успел заметить, как тот налил Профессору водку и пиво. Сделал он это поразительно быстро и ловко. Александру даже показалось, что Драйвер будто раздвоился и часть Петровича оставалась за рулем лодки, в то время как другая его часть метнулась к шкафчику с бутылками. «Меня все хвалят за быстроту реакции. Но я мальчишка по сравнению с этим умельцем!» – восхищенно подумалось Трулю.

– Вы считаете их русскими? – спросил Ведущий. – У Бердяева в его «Истоках и смысле русского коммунизма»...

– Назовем их хазарами, – перебил Сенявин. – Вернее, неохазарами. У тех, у древних хазар, иудеи управляли раз-

ными народами, у которых сам черт не разберет, кто они были на самом деле по национальности... А Ленин даже внешне был похож на хазарина... Эти неохазары тоже объявили себя «рахдонитами» – «знающими путь». И подобно Иисусу Навину... был такой герой в Ветхом Завете... подобно этому ученику великого Моисея, наш лже-Иисус повел за собой на завоевание Земли обетованной. Но не в пространстве, а во времени, назвав ее Светлым Будущим и Коммунизмом, в котором все будут, дескать, равны и счастливы. Он-то, этот лже-Навин – а на деле антихристов Гог – и привиделся поэту Блоку... И очертя голову, страдая и Плотью, и Душой, и разрывая, расстреливая Сердце, отправилась несчастная Россия за новыми своими *разумниками*-большевиками, не чувствуя и не видя, что ведут ее не вперед в Светлое Будущее, а вспять – в крепостничество и в рабство русское; не в долину священного Иордана, в котором крестился Христос, а в Царство Египетское, с его десятью казнями, не египтянам, а ей предназначенными... Она даже не заметила, как ее, великую женщину, в мужика превратили. На пути через пустыню ее обозвали Советским Союзом, СССР, а прекрасное имя Россия сделали прилагательным и стыдливо спрятали внутри безликого РСФСР.

– А когда Ленин умер и Гог незаметно для всех стал Магогом, казни египетские как раз начались, – продолжал Андрей Владимирович. – Забальзамировав Ленина и поместив его в ступенчатую пирамиду, которую для отвода глаз велели

называть мавзолеем, Иосиф – не ветхозаветный Израилев, а наш, неохазарский – себя превратил в фараона и в бога земного. Как древние фараоны, он Советский Союз стал считать своим телом и решал, каким частям его «давать жизнь к носу» – египетское выражение, – а каким не давать, чтоб задохнулись и не мешали. Верующее русское Сердце, Храм наш, он пуще прежнего обескровил, а земную церковь преобразовал в египетское святилище, где ему и Марксу-Энгельсу-Ленину, как Амон-Ра-Птаху, поклонялись и возносили молитвы на съездах, в собраниях и в застольях... Большевиков-неохазар – разных там троцких, каменевых с зиновьевыми, рыковых с бухаринными – он одного за другим ввергнул в царство Анубиса, потому как те продолжали считать себя «знающими путь» и верными соратниками Ленина-Навина, вовремя не догадавшись, что *Путь может знать* только он, Иосиф Божественный. На место этих наивных зазнаек он поставил верных ему служек – древние египтяне называли их *хемуу нисут*, «царские люди». И в таких же «хемуу» он превратил то, что мы называем творческой интеллигенцией, или Душой. Потому как в Египте всё и вся должно подчиняться фараону и трудиться в его хозяйстве, будь то наука, или искусство, или прочая разного рода инженерия... Рабочих и крестьян, полагаю, и поминать не следует. Это уже не хемуу, не люди, а клетки в едином национальном организме, вернее, даже не клетки, а винтики... Он, Иосиф Ужасный, эти винтики-клетки в такой порядок привел, что заставил

народную Плоть выиграть величайшую в истории войну; создал империю, с которой только империя Чингисхана может сравниться. В космос первым советского человека отправил.

Профессор повертел в руке рюмку с водкой, но поставил ее на место и приложился к стакану с пивом.

– Если мне не изменяет память, Гагарин полетел в космос уже при Хрущеве, – заметил Ведущий.

– Да, при Хрущеве, – усмехнулся Сенявин. – Но космическая промышленность и вся оборонно-ракетная мощь при Сталине и благодаря ему были созданы. Хрущев и последующие бабуины лишь пожирали плоды, которые он взрастил.

– Бабуины? Почему бабуины? – поинтересовался Труль.

– Потому что у бабуинов... у них стадом руководят пожилые самцы с посеребренными спинами, – обрывочно объяснял Профессор, часто прихлебывая из стакана. – У них седина на спине выступает... У них, кстати сказать, тоже коллективное руководство... Сталин, стало быть, умер и Магог ушел. Но бабуины, животные бога Тота, остались... Они по утрам солнце приветствуют, а затем отдыхают, силы берегут, старость свою охраняют и друг друга поддерживают... Они мало на что способны, если их к искусственной почке не подключить... Да и Россия, простите, Советский Союз, сильно ослабла от казней, которые на нее обрушились... И возраст у нее стал почтенный. Когда началась перестройка, ей шестьдесят шесть стукнуло... Через несколько биомесяцев ей вернули прежнее имя – Россия... Но уже вечер настал... И от

искусственной почки ее отключили.

Тут Петрович вдруг разразился длинной карельской тирадой, внутри которой безошибочно угадывались русские матерные слова. А потом крикнул Ведущему:

– Давай, быстро сматывайся с правой стороны!

– Зачем?.. Хорошо сидим.

– Сматывайся, говорю! Они нам всё перепутают.

– Кто перепутает, Толя? – удивлялся Ведущий.

Петрович выстрелил новой тирадой и скомандовал:

– За руль, блин, садись, и влево бери! Я буду крутить!

Он, словно воробей, выпорхнул из-за руля и с поразительной скоростью принялся сматывать правые спиннинги.

По-прежнему не понимая причины тревоги, Трульь быстро пересел за руль и повел лодку влево.

– Круче бери! Зацепимся, на хер! – угрожал Петрович.

– Да за кого зацепимся, Толенька? – почти умоляюще произнес Ведущий.

– За гондонщиков, мать их язви!

– Где ты их увидел?.. Они тебе не приснились? – спрашивал Трульь, оглядываясь по сторонам.

– Сейчас нарисуются, – пообещал карел, смотав уже три спиннинга и с той же головокружительной скоростью принявшись за четвертый.

Профессор встал, подошел к бортовому удилищу, но Драйвер крикнул:

– Не трожь! Я сделаю!

Сенявин обмер.

Митя открыл глаза и уставился в Сенявина...

Через минуту именно *нарисовалась* резиновая лодка – будто на пустом месте возникла метрах в ста от их катера.

– Теперь видишь?! – крикнул Драйвер. Он уже смотал четыре верхних удилища, подтянул крыло-поплавок, освободил первый бортовой спиннинг и принялся за второй. – Говорят тебе – некуюмет. Туман-обманка. Только вблизи, блин, заметишь!

Им навстречу двигалась резиновая лодка, утыканная распущенными спиннингами. В лодке сидели четверо человек: два молодых парня и две девицы лет по шестнадцати, из которых одна сидела за рулем. Один из парней пил из бутылки. Другой тискал вторую девицу. Если бы тот, что пил из бутылки, не вытолкнул первую девицу из-за штурвала и не отвернул вправо, лодка и катер наверняка бы столкнулись.

Когда лодки поравнялись бортами, Петрович, уже успевший смотать второй спиннинг, вскочил на скамью и заорал на чухонском наречии, судя по всему, свирепо ругаясь. А затем спрыгнул со скамьи и, подбежав к мотору, вслед уходящей лодке прокричал несколько фраз на русском отборном. Никто ему не ответил. Рулевой опустил голову. Парочка расцепила объятия, и парень обе руки прижал к груди, а девица хихикала и помогала встать на ноги другой девице, которая от толчка упала на пол лодки.

– Они, суки, все пьяные, – пояснил Петрович и в сердцах уточнил, в какую часть тела у них проник алкоголь. Но вдруг заметил, что на него смотрит Сенявин, захлопал белесыми ресницами и испуганно затараторил: – Ради бога, профессор! Пардону прошу! Говно во мне вскипело, и я не сдержался!.. Если б я вовремя не угадал, перехлестнулись бы на фиг. Пришлось бы часа два или три...

С деланой суровостью Сенявин смотрел на Драйвера, с трудом сдерживая улыбку. Петрович же обернулся к Ведущему и в спину ему продолжал выстреливать:

– Тот, за рулем, – вепс, понимает по-нашему. А другой – начальник у них. Русский. Мы их гондонщиками называем. У них там, – он махнул рукой в сторону берега, – лагерь. Детский, по ходу. А они как бы вожатые. Девок берут и с ними типа рыбачат. Ну ты понял. Как будто им на земле тухло... Меня это, Саня, выбешивает. Они ведь управлять не умеют, костюмов не надевают, гондоны их на воде неустойчивые. К тому же они еще все время нетрезвые.

– Хрен с ними, Петрович! Не заморачивайся! – посоветовал Труль.

– С ними-то хрен! Так они, прикинь, и детей с собой часто берут. Набьют в лодку человек по двадцать и мотыляются с ними вдоль берега!

– А вы куда смотрите? – спросил Труль.

– А что ты с ними сделаешь? У них большой лагерь. Человек двадцать качков. Хозяин крутой. Менты у него на под-

кормке. Олег наш Виталич один раз пытался с ними стрелку забить. Но ему знающие люди объяснили: сиди на жопе ровно!

– Ладно. Вернемся на базу – позвоню одному человечку, чтобы порядок у вас навел, – пообещал Ведущий.

– Только смотри звонок не сломай. Тут тебе не столица, – вдруг будто огрызнулся карел.

Труль на него обернулся и, солнечно улыбнувшись, возразил:

– Кончай негативить, Петрович. С этой темы мы соскочили. Давай ставить спиннинги.

– Не вопрос, – быстро ответил Драйвер и с надеждой спросил: – А может, с этой стороны теперь старенькие поставим?

– Нет, давай новые, японские попробуем: минношки.

Петрович сел за руль. Александр стал доставать из своего чемоданчика новейшие японские воблеры и прикреплять их к удилищам.

Ни Профессор, ни Митя в переговорах не участвовали. Профессор успел налить себе и осушить стакан пива. Митя сидел на противоположной скамье и неотрывно смотрел на Сенявина, следя за его движениями. И вдруг заговорил:

– Я вас внимательно слушал. А глаза закрыл, чтобы не кашлять и вам не мешать. Я, когда сел в лодку, заметил, что, когда у меня закрыты глаза, я не кашляю.

Андрей Владимирович в это время закусывал и чуть не поперхнулся соленым огурчиком. А Митя продолжал:

– Мне понравился тот портрет, который вы нарисовали. Интересно и образно. Потому что именно художественно, а не научно. Я согласен, что научно изучать живое невозможно. Потому что оно все время меняется. Или тут нужна какая-то совершенно особая наука.

Насмешливо глянув на Сокольцева, Андрей Владимирович произнес:

– Благодарю вас за ваше внимание и вашу высокую оценку.

А Митя продолжал:

– Но, как мне кажется, вы зря ввели понятие Сердца. Оно лишнее и только сбивает с толку. Я понимаю, Храм и церковь. Но Храм, если он вообще существует, не в Сердце, а в Духе заключен, которого у вас как раз и нет. Без Духа никак нельзя. Там судьба страны. Там ее главный ген, если хотите. Правильнее было бы назвать его кармой. Я помню, вам не нравится это слово. Но если вы мне позволите внести некоторые уточнения...

Митя не договорил, потому что Профессор погрозил ему пальцем и приказал:

– Вот этого ни в коем случае не следует делать! Переводите кого угодно и с каких угодно языков. А меня увольте. Договорились?

Митя закашлялся.

Когда же приступ закончился, Ведущий, снаряжая последний спиннинг, спросил у Профессора?

– Вы эту лекцию тоже студентам читали?

– Читал, – весело откликнулся Сенявин.

– И вам это...

– Да, сошло с рук, представьте себе.

– Тогда за что вас...

– Вы хотите спросить: за что меня выперли из университета? – и тут догадался Андрей Владимирович.

Труль молчал, сама деликатность.

А Профессор направился к шкафчику, налил себе рюмку водки, осушил ее и, не закусывая, объявил:

– Могу доложить. Если я вам не наскучил.

Хельгисага (32–44)

32

Теперь надо рассказать о Хальвдане Черном.

Годовалым младенцем лишившись отца, Хальвдан воспитывался у своей матери, Асы, в Агдире.

Ему едва исполнилось семнадцать лет, когда Аса женила его на Рагнхильд, дочери Харальда Золотая Борода, конунга Согна. Рагнхильд была на семь лет старше своего юного мужа, и тот ее никогда не любил.

Хальвдану было восемнадцать лет, когда он отправился в Вестфольд и поделил владения со своим единокровным братом Олавом. На следующий год Олав умер или погиб, и Хальвдан завладел всем Вестфольдом и половиной Вингульмёрка. В девятнадцать лет, как уже сообщалось, он завоевал Раумарики. В двадцать два года – окончательно подчинил себе Хейдмёрк. В двадцать три – Тотн и Хадаланд.

От Рагнхильд у Хальвдана родился сын Харальд. Его дед по матери, Харальд Золотая Борода, у которого не было сына, когда одряхлел, уступил Согн своему внуку. Но через год после того, как Хельги был принят Асой, один за другим умерли Харальд конунг, Рагнхильд и маленький Харальд – тесть, жена и десятилетний сын Хальвдана Черного. Тот

сразу же заявил, что притязает на наследство своего сына и, не встретив сопротивления, завладел Согном.

Как видно, многое, очень многое уже было сделано, и Харальду Прекрасноволосому, другому сыну Хальвдана Черного, лишь оставалось продолжить завоевания и подчинить себе всю Норвегию.

О Хальвдане Черном есть несколько саг. И ни одной – о его матери, Асе. А ведь она была выдающейся женщиной.

Отца ее звали Харальд Рыжебородый. Он был конунгом в Агдире. Когда к Асе посватался Гудрёд Охотник, Харальд ему отказал. Тогда Гудрёд спустил на воду свои корабли и поплыл с большим войском в Агдир. Высадившись там неожиданно, он в ночной битве убил конунга Харальда и его сына Гюрда, а Асу насильно увез с собой и сделал своей женой.

Аса родила ему Хальвдана. Но, когда тому был год от роду, слуга Асы бросился на Гудрёда и пронзил его копьем. Хотя никто не тянул Асу за язык, она тут же призналась, что это она подослала слугу, чтобы тот отомстил Охотнику.

Она сразу уехала с сыном на запад в Агдир и стала править во владениях, которые раньше принадлежали ее отцу.

О завоеваниях Хальвдана саги подробно рассказывают. Но не говорят, что не Хальвдан завоевывает земли, а его мать, Аса, из своей усадьбы в Харальдстадире руководит походами, посылая сыну воинов и предводителей, с которыми и совсем не смыслящий в военном искусстве конунг может стать победителем.

Утверждали также, что единокровный брат Хальвдана, сын Гудрёда Охотника от его первой жены Альвхильд, Олав

по прозвищу Альв Гейрстадира, он, дескать, был тайно убит каким-то нанятым Асой даном, а вовсе не умер от болезни суставов. Где это видано, чтобы люди в самом расцвете лет умирали от подобных болезней?

Судачили и о том, что, подчинив себе Эйвинда рогаландского, а с хордаландским Эйриком заключив договор, черноволосого сына своего она женила на согнской Рагнхильд, чтобы через земли, принадлежавшие ее отцу, подобраться затем к Мёру и Раумсдалю и оттуда – к Земле Трёндов. Но тут у нее дело не заладилось. Хальвдан свою великовозрастную женушку, как уже упоминалось, не жаловал; Рагнхильд женщиной оказалась своенравной и свекрови не желала подчиняться; по ее наущению престарелый Харальд Золотая Борода владения свои передал не зятю Хальвдану, а малолетнему внуку своему Харальду. И вскорости один за другим отправились в Хель оба Харальда и строптивая Рагнхильд. Где ж это видано, чтобы люди, столь неугодные, сами собой умирали по неизвестно какой причине?

Некоторые болтали, что дочь конунга Хрингарики Сигурда Оленя, Рагнхильд, вторую жену Хальвдана, эту другую Рагнхильд, когда она после убийства отца томилась у берсерка Хаки, тоже Аса велела доставить сыну, объясняя ему, что от этого брака он породнится с тогда уже прославленным викингом Рагнаром Кожаные Штаны – тот приходился двоюродным братом Сигурду.

Ни в первом, ни во втором, ни в третьем Аса не призна-

валась, как когда-то бесстрашно призналась в убийстве мужа по ее наущению. А как было на самом деле – одни норны ведают. Асу, однако, все люди боялись, ее родной сын в том числе.

Доподлинно известно, что Аса, дочь Харальда Рыжебородого, замуж больше не выходила, но к мужчинам имела тягу и их к себе властно притягивала. Это были люди молодые, сильные, храбрые, которые, как правило, затем становились известными викингами. Сомнительно, чтобы у Асы в постели когда-нибудь побывал Рагнар Лодброк – хотя чем Локи не шутит! Но Торгильс, до того как отправился воевать в Шотландии и в Ирландии, долго гостил у Асы. Когда он отплыл, с Асой был замечен его брат Фроди. Сын Рагнара, юный Бьёрн, уже тогда прозванный Железным Боком, когда случалось ему бывать в Харальдстадире, всегда пирувал за столом у Асы и ближе к ночи первым исчезал из-за стола.

Возле своего длинного дома Аса построила с южной стороны дом для дружинников, а с северной – еще один дом для гостей. В длинном доме находилась горница Асы, так называемая *закрытая кровать*, потому что располагалась в алькове и закрывалась. Там Аса спала, когда ночевала в одиночестве. Но оттуда через подземный ход можно было попасть в еще один дом, *фрюстюгу, женский дом*.

Никто не знал в точности, кого и когда водили по подземному коридору в эту фрюстюгу, потому как при свете дня Аса ни взглядом, ни чем иным не выделяла своего ночного избранника из дружинников и гостей, которые ее окружали.

Догадывались, конечно, но в Харальдстадире не судачили даже за глаза. После того как однажды кто-то из дружинников позволил себе именно за глаза пошутить по поводу Асиного обычая. И тут же случилось, как в поговорке, которая гласит, что *у конунга много ушей*. Встретив шутника, Аса ему объявила:

– Когда-то меня имел один мужчина. Теперь я имею мужчин. Ну как, успокоился?

С тех пор этого человека больше не видели в окружении Асы.

– Говорят, ты только молоденьких любишь! – однажды пошутил гостивший у Асы Рагнар Лодброк; он-то никого никогда не боялся и мог высказать все, что пришло ему в голову.

Аса ничуть не смутилась и ответила:

– Они меня сильнее любят. Потому что я делаю из них настоящих мужчин.

Своих избранников Аса щедро одаривала кораблями и людьми, а те из походов привозили ей сокровища, которыми она пополняла казну.

Хельги прожил при дворе Асы Правительницы два лета и две зимы.

Аса сделала Хельги своим ближним дружинником, щедро одаривала золотом и серебром, велела красиво одеваться, но никакого дела не поручала, держала всегда при себе – ночью в постели, а днем в хирде телохранителей.

Хельги это наскучило. И он обратился к своей благодетельнице с просьбой:

– Как говорится, на стоялого коня плохая надежда. Отпусти меня служить твоему сыну, конунгу Хальвдану. В его дружине – выдающиеся мужи. Они все время заняты делом и добывают себе славу.

– Ты – *мой* конь, – строго ответила Аса и добродушно прибавила: – И у меня к тебе пока нет замечаний.

Через какое-то время Хельги снова решил попытать счастья и попросил дать ему корабль и отпустить в плавание, хотя бы недалекое. И снова получил отказ. А его друзей Вестейна и Кари отправила в весенний поход на Оркнейские острова.

Больше Хельги не предпринимал попыток.

Он, как мы видим, маялся, а многие завидовали, как им казалось, его удаче. Эйвинд Кривой Рот послал к Хельги нарочного с просьбой пристроить ко двору Асы Сульки и Соти.

Хельги, разумеется, тут же замолвил о них словечко. Но Аса, когда он к ней обратился с ходатайством, ничего по поводу Сульки и Соти ему не ответила, а лишь спросила:

– Эйвинд, кажется, обещал тебя сделать ярлом? Сделал?

Однажды в Харальдстадире Хельги встретил Эндота, своего бывшего наставника, и очень обрадовался встрече.

Они долго беседовали, рассказывая каждый о своей жизни. А в конце беседы Эндот вдруг говорит:

– Очень хорошо, что ты теперь служишь у Асы. Я, правду сказать, чем дальше, тем больше за тебя опасался, когда ты жил у конунга Эйвинда.

– Чего же ты опасался? – поинтересовался Хельги.

– Мне стало казаться, что конунг лишь притворяется, что ты ему как сын. Он к тебе берсерков если не подсылал, то разрешал, чтобы они с тобой бились на поединках... Меня от тебя отстранил, а к тебе приставил Рафна, велел ему следить за тобой... Потом у тебя начались поездки, одна другой опаснее. Мне твои друзья кое-что рассказали... Сдается мне теперь, что он хотел от тебя избавиться.

Хельги ему учтиво ответил:

– Если бы я не уважал тебя как своего старшего друга и наставника, я бы тут же предложил закончить разговор. Однако прошу тебя: никогда при мне не клевети на моего благодетеля, конунга Эйвинда. Он воспитал меня так, как родных сыновей не воспитывают.

– То-то и оно, что так не воспитывают. Родных-то, – сказал Эндот, и разговор на этом так или иначе закончился.

Отец Хельги, Авальд Добрый, когда-то сказал сыну, что в Хель отправляются не только трусы и предатели, но также неблагодарные, которые сродни предателям и трусам. Хельги эти отцовские слова на всю жизнь запомнил.

Хельги уже год жил у Асы, когда однажды, в то время когда он упражнялся в метании копья, к нему стали задираться трое разряженных молодцов, только что приехавших в Харальдстадир и Хельги незнакомых. Среди них выделялся и ростом, и шириной плеч молодой человек в красном суконном платье; на правой руке у него было тяжелое золотое обручье, на голове – шелковая шапка, вытканная золотом и обитая золотой цепочкой.

– Что за девица тут за копья хватается! – воскликнул он, глядя на Хельги, и спутники его захохотали.

Хельги не стал отвечать.

– Я с тобой говорю, длинноволосая! – не унимался задирра. – Какого рожна ты вырядилась в мужчину?!

Тут Хельги огладил свои золотистые волосы и говорит:

– Не нравятся мне твои злые речи, незнакомец!

– А мне твои руки не нравятся. Сроду не видывал таких тощих рук. И женщина, думаю, будет тебя сильнее. Как ты этими тощими руками смеешь обнимать Асу?

Хельги отложил в сторону копье, осмотрел свои руки и, к ним обращаясь, сказал:

– Придется вам, тощие руки, призвать к порядку невежу и отомстить за мать конунга.

– Это еще не известно, кто за нее будет мстить, – возразил

незнакомец.

Тут же договорились, что три дня ждать не будут, отойдут в сторону и будут биться на мечах до первой раны. Было условлено, что тремя марками серебра должен откупиться тот, кто будет ранен.

Сражались не по правилам и даже имен своих не назвали перед началом поединка.

Противник Хельги достался настолько умелый, что Хельги никак не удавалось его ранить. Множество ударов было нанесено с обеих сторон, ловкие, стремительные выпады были сделаны, по два щита изрубили и хотя бы царапину кто-то из них заработал! Когда последний, третий щит пошел в дело, задира в шелковой шапке вдруг отпрянул назад и в ярости воскликнул:

– Не хочу дальше тупить свой меч! Мне его Аса подарила! Считай, что три марки твои.

– Они будут моими, когда я тебя раню, – отвечал Хельги.

– Это мало кому удавалось. Не хочешь три марки – возьми золотое обручье! – еще яростнее воскликнул молодой человек, снимая с руки браслет и протягивая его Хельги.

А тот отвечает:

– Меня зовут Хельги. А тебя как?

– Бьёрн. И прозвище у меня Железный Бок, потому что меня не берет никакое оружие.

– Ну, это я понял, – сказал Хельги.

– А я понял, что ты не только красавчик, но и настоящий

воин.

Тут Хельги тоже снял с запястья браслет, и они обменялись обручьями. Однако бьёрново широкое обручье тут же скатилось с руки Хельги, а хельгов браслет не желал налезать на медвежью лапу Бьёрна. Но оба решили оставить у себя украшения в память о знакомстве.

Бьёрн пригласил Хельги *выпить примирение*. На что Хельги ответил, что прежде ему нужно испросить разрешение у своей повелительницы.

– Конечно, спроси, – сказал Бьёрн и ухмыльнулся.

Едва Хельги добрался до длинного дома, его тут же позвали к Асе. И Аса сурово спросила:

– Ты без моего разрешения дрался на поединке?

Хельги ей рассказал, как было дело, попросил прощения и сообщил о приглашении.

Аса тогда перестала хмуриться и милостиво разрешила принять приглашение, добавив:

– Такому человеку, как Бьёрн, не стоит отказывать. Но учти: с этим семейством надо держать ухо востро. Они из тех викингов, от которых всякое можно ожидать.

По лицу Асы всегда было трудно понять, о чем она думает. Но было похоже, что она знала о поединке еще до того, как Бьёрн стал задираться к Хельги. И что все произошло так, как ей, Асе, хотелось.

Надо ли говорить, что это был тот самый Бьёрн, который несколько раз гостил у Асы и отцом которого был знаменитый Рагнар Лодброк. Весну и осень он проводил в походах, а летом и зимой жил то в Скани, во владениях своего отца, то в Дании у конунга Хорика, сына Годафрида.

Своего дома в Харальдстадире у Бьёрна не было, так что в тот раз пировали они у его агдирского гостеприимца.

Пир был обильным едой и пивом. Хельги, по обыкновению, пил немного. Бьёрн же в выпивке себя не ограничивал и чем дальше, тем веселее рассказывал о том походе, который он совершил пять зим тому назад.

Дело было во Фраккланде. На шестидесяти кораблях они вошли в реку Лигер. Считалось, что в разгар лета ни один чужестранец не сумеет пройти по этой реке. Но они искусно миновали многочисленные песчаные мели и незаметно добрались к большому и богатому городу Намнету. Его жители в это время отмечали большой праздник. Боевые корабли викингов они поначалу приняли за купеческие суда и не взяли никаких мер к защите, не ожидая такой дерзости от чужеземцев и чувствуя себе в безопасности за высокими и крепкими стенами. Они едва успели закрыть ворота, когда поняли, какая опасность им угрожает. Но Бьёрн и его люди по лестницам взобрались на стены, выбили ворота тараном,

ворвались в город и захватили богатую добычу. Сокровища и множество пленных они погрузили на корабли, спустились к устью реки. Там они выгрузились на острове, который франки называют *Нуармутье*, Черный Монастырь. Монахи, ясное дело разбежались, а Бьёрн и его люди стащили на берег добычу и пленных, выстроили себе хижины и остались зимовать на этом красивом и удобном острове, будто стеной окружив весь рейд кораблями.

Описывая свои подвиги, Бьёрн три раза сообщил, что было ему в ту пору всего семнадцать лет, а люди его слушались так, как слушаются его отца, знаменитого Рагнара Лодброка. И два раза напомнил, что его прозвали Железнобоким, так как мать его, Крака, в раннем детстве заворожила сына от всякого оружия, и люди не раз видели, как от него, юного викинга, стрелы и копья отскакивали, не причиняя ему ни малейшего вреда.

При этом он ни разу не упомянул о том, что походом командовал не он, Бьёрн *Йерсида*, а Хэстен, которого разные народы по-разному называли: Астингусом, Гастингом, Остенном или Эйнстейном. Хэстен родился в Стране Франков, хотя родом был даном и уже тогда прославился среди викингов. Не сказал Бьёрн о том, что коварные мели и водовороты им помог миновать франкский граф Ламберт. Тот питал непримиримую вражду к королю франков Карлу Лысому за то, что тот отказал ему в Нантском графстве, и с помощью викингов, с которыми договорился, жаждал заполучить Нант

себе. Он-то и нанял проводников, которые помогли викингам подняться вверх по Луаре, и на некоторое время завладел-таки городом, хотя и жестоко разграбленным.

Бьёрн также не стал рассказывать о том, как они убивали на улицах и в домах тех, кого в плен не брали: воинов, монахов, стариков и старух.

Бьёрн об этом не говорил, и Хельги глаз не сводил со своего нового знакомца, восхищаясь его подвигами и его славой.

39, 40, 41, 42

Но слава Бьёрна и в сравнение не идет с той славой, которую снискал его отец, Рагнар *Лодброк*, Кожаные Штаны.

О Рагнаре следует рассказать. О нем много саг написано и во всех сагах о знаменитых викингах его поминают. Но, правду сказать, в них много разного рода небылиц можно услышать, с которыми трудно согласиться тем, кто трех великих норн почитают и среди них среднюю норну, *Верданди*.

Начать с того, что датчане считают Рагнара чистокровным датчанином, а норвежцы – норвежцем. На самом же деле он был даном по отцу и норвегом по матери.

.....

.....

/Отсюда и далее текст неразборчив и не поддается переводу – *Прим. переводчика!*

Права была Крака, когда назвала своего мужа *морским конунгом*. Говорят, именно ему, Рагнару, принадлежат слова о том, что только тот может с полным правом называть себя викингом, кто никогда не спал под закопченной крышей и никогда не пировал у очага. Говорят также, что, когда изредка все же случалось Лодброку ночевать у себя в Рагнарстадире, спал он в своем походном шатре, а не в доме.

Плавал он чаще всего в Страну Вендов, в Самбию и в Страну Эстов. Наведывался также в Нортумбрию, Шотландию и Ирландию. А в год, когда в Ирландии погиб Торгильс, по Секване дошел до *Паризия*, захватил город и первым заставил франкского короля Лысого Карла уплатить ему первый *данагельд*, многие тысячи мер серебра. Некоторые, правда, приписывают это деяние Хэстену. Но ведь они могли и вместе грабить Лютецию.

Морских королей наподобие Рагнара или Хэстена было, однако, немного. Большинство северных людей лишь на время становились викингами. Как правило, в морские походы уходили с начала весны до летнего солнцестояния и второй раз – после уборки хлеба до наступления зимы. Эти походы так и назывались: *весенними* и *осенними* набегами. Летом занимались хозяйством. А зиму проводили на своих или отцовских дворах, упражняясь в воинском искусстве. Многие искали себе жилище у конунгов и славных ярлов, которые с радушием давали приют и с уважением приближали к себе умелых воинов, за что получали от тех дружбу и богатые подарки. Некоторые называют это *данью*. Но Аса, мать Хальвдана Черного, любила уточнять:

– Это дань преданности мне и благодарности за то, что я им дала и для них сделала.

Смертельный диагноз

Профессор налил себе рюмку водки, осушил ее и, не закусывая, объявил:

– Могу доложить. Если я вам не наскучил... Дело было так: Есть у меня студент... теперь, пожалуй, что был... Назовем его Ивановым, хотя он носит другую фамилию, которую я не хочу называть... Этот якобы Иванов в зимнюю сессию получил у меня незачет и в феврале несколько раз пересдавал, являя вопиющее незнание предмета и природную тупость. Зачет я ему поставил на третий раз и лишь потому, что в конце второго семестра у меня экзамен и я всем, даже самым никудышным студентам, даю возможность себя реабилитировать... И этот самый Иванов принялся *реабилитироваться* с демонстративным усердием: на лекциях сидел в первом ряду; конспектировал в своем... все время забываю, как они у вас называются... эти портативные компьютеры...

– Лэптопы? – услужливо подсказал Ведущий.

– Ну, может быть, – поморщился Сенявин. – И, когда отрывал глаза от этого... как вы только что выразились, смотрел на меня с таким же радостным вниманием, с каким вы сейчас на меня смотрите.

Андрей Владимирович сделал паузу, словно ожидая ответной реакции со стороны Трулля. Но Александр лишь усилил солнечность своей улыбки.

– И после каждой лекции задавал мне вопросы, – продолжал Профессор. – Сначала весьма глупые и неуместные. Из тех, которые задают студенты-подхалимы, чтобы обратить на себя внимание и тем самым, как они надеются, заработать себе некий кредит на экзамене... Но раз от разу вопросы его становились всё более соответствующими тому, о чем я читал. И вот в мае, после предпоследней моей лекции, этот Иванов подходит ко мне и спрашивает: что, с моей точки зрения, ожидает Россию в будущем? Я ему ответил, что серьезные историки прогнозов не делают, и стал отвечать на другие вопросы, которых было немало, – я им в завершение курса как раз прочел «Житие России»... А через несколько дней возле кафедры меня поджидают тот же студент Иванов и с ним два его сокурсника, которые, в отличие от Иванова, начитанные и самостоятельно мыслящие люди – лучшие из моих студентов... Давайте назовем их Петров и Сидоров, хотя это тоже не их фамилии... И Петров признается, что моя последняя лекция всех их *пронзила* – так он по-современному выразился. Более того, вызвала в студенческом кругу оживленную дискуссию, заставила перечитать некоторых историков и этнологов – в основном назывались имена Льва Гумилева и Тойнби. И, дескать, сам собой встал вопрос о том, что ждет Россию в ее историческом будущем, коль скоро я ей обозначил «биологический» возраст и возраст этот весьма почтенный... Тут интеллигентный Петров сконфуженно замолчал. И заговорил раскованный Сидоров.

Он напрямую спросил: «Если Россия в 862 году родилась, то когда ей суждено умереть?» Я несколько растерялся от его прямоты. А Сидоров добавил: «Ваши коллеги, уважаемый профессор, аналитические историки, которых вы нам в свое время рекомендовали, считают, что существование каждой нации, этноса, суперэтноса неизбежно ограничено во времени. И чаще всего называют срок в тысячу двести лет. Стало быть, если принять ваше биологическое летосчисление, то где-то в районе 2062 года России уже не будет... Что вы думаете по этому поводу?» Тут на кафедру и из кафедры стали входить и выходить мои коллеги, и я поспешил расстаться со своими студентами, пообещав им удовлетворить их научное любопытство.

– Обратите внимание, Саша, что студент Иванов при этом лишь присутствовал, но рта не раскрыл! – вдруг гневно воскликнул Сенявин и оглянулся в сторону шкафчика. А Петрович мгновенно вскочил и наполнил стакан пивом и рюмку водкой – виртуозно, «по-македонски», с двух рук одновременно.

Профессор принялся издали изучать стакан и рюмку, переводя задумчивый взгляд с одного сосуда на другой, и, пока изучал и переводил, задумчиво, с остановками говорил:

– Стало быть, подначили... И на следующей лекции – она у меня была последней в семестре – я преподнес им *биоисторический диагноз* – так я назвал свое выступление... Но в самом начале предупредил, что этот диагноз меня попроси-

ли поставить мои студенты. На их просьбу я, во-первых, не мог не откликнуться. Во-вторых, готовясь к выступлению, я воспользовался вполне официальной статистикой, и, стало быть, не я ставлю диагноз, а ставят его современные экономисты, социологи, политологи, некоторые даже весьма известные наши политики. Я же лишь суммирую данные, привожу их в систему, по которой мы работали в предыдущей нашей беседе, то есть по нашим параметрам Плоть, Разумение, Душа, Крепость, Сердце...

Тут Сенявин, похоже, наконец принял искомое решение: опрокинул в себя очередную рюмку водки, после чего заговорил напористо и без пауз:

– Кратко изложу вам. Излагать буду по памяти, хотя тогда я читал по писанному и даже ссылался на источники. Посему абсолютной точности цифр не гарантирую, но вполне отвечаю за общую картину... Итак, что мы наблюдаем в области Плоты? Десять лет назад Россия имела 4 процента мирового ВВП – сейчас уже 3 процента. 80 процентов доходов мы получаем от нефти и газа и только 5 процентов – от машиностроения. Мы теперь не только сырьевой придаток Европы – мы становимся сырьевым придатком Китая, куда тащим свои углеводороды. И в этом Китае, между прочим, на десять тысяч работающих приходится 68 промышленных роботов, а у нас их только три. Только три, повторяю! Умолчим о Германии, в которой их триста, и о Южной Корее, где их более шестисот. Такова наша технологическая оснащен-

ность... У нас процветают рейдерство, в том числе судебное и путем предварительного заключения, и различные формы принудительной национализации частных предприятий. Это ведет не только к нарушению экономического кровообращения, уплотнению и, так сказать, одеревенению сосудов, но также к обильным внутренним кровоизлияниям и внешним кровопотерям. Отток капиталов возрос до 40 миллиардов в год, если не больше. 20 процентов наших бизнесменов признались, что собираются в скором времени уехать. 50 процентов заявили, что не исключают такой возможности.

– Обмен веществ, – не переводя духа, продолжал будто диктовать Профессор, – обмен веществ, если так можно выразиться, с каждым годом становится все более угрожающим: сейчас в России 12 процентов населения, 18 миллионов человек, живут за чертой бедности. Зато наша прекрасная столица, Москва, занимает первое место в мире по числу миллиардеров. У нас доходы 10 процентов самых богатых людей в 16 раз превышают доходы остальных наших граждан. Любой эксперт подтвердит, что разрыв в десять раз – уже чрезвычайно опасен для, так сказать, национального метаболизма... Плюс к этому первое место в мире по абсолютной величине убыли населения. По прогнозам ООН, в 2025 году наше население уменьшится до 121 миллиона человек, то есть примерно на двадцать пять миллионов. По средней продолжительности жизни мы на шестидесятом месте, на уровне замечательной страны Бангладеш. И с каждым

годом у нас рождается все больше больных детей... Вы спросите, куда смотрит наше здравоохранение? А оно куда-то может смотреть?! По данным Всемирной организации здравоохранения, по эффективности своей медицины Россия находится на 130-м месте, и, по тем же данным, 90 процентов средств, затраченных на здравоохранение, у нас растрачиваются впустую. Треть диагнозов у нас неверна. Треть больниц и поликлиник находятся в аварийном состоянии. О зарплате врачей, работающих в государственном секторе, даже не хочется упоминать. Скажу лишь, что, как подсчитали, она в среднем равняется цене одного массажа в элитной клинике!

На лице Профессора вновь появилась задумчивость, а взгляд теперь обратился на стакан с пивом.

– Перейдем теперь к тому, что мы назвали Разумением... Вам не кажется, что мы уже давно переживаем нечто похожее на паралич? Наш президент, которого весь мир признает сильным, властным, жестким, во многих отношениях выдающимся политиком, дает поручения, издает указы, заставляет принимать законы. Его администрация, по свидетельству многих людей, которым я доверяю, состоящая из умных, образованных, энергичных молодых людей, вроде бы преданно и усердно старается эти мысли-команды-сигналы, что называется, воплотить жизнь. И ничего не происходит! Сигналы слабеют уже, так сказать, в подкорке, а до периферийной нервной системы в большинстве своем вообще не доходят. Какие-то дерганья конечностей мы иногда регистрируем. Но

ноги не идут, руки не движутся... А когда все-таки движутся и идут, то часто прямо в противоположном направлении... Три миллиона чиновников, господ! Это уже не двигательные нейроны, а...

Сенявин не договорил, потому что взял стакан с пивом и приложился к нему.

Петрович стремительно привстал на сиденье, но еще стремительнее Ведущий его к этому сиденью придавил и шепнул на ухо:

– Хватит. Не спаивай. Он и так уже мендельсонит.

Профессор этого не слышал и не видел, так как вкушал пиво, сладко зажмурив глаза. А когда оторвался:

– Переходим к Душе. Она должна бы помочь страждущей Плоти, лучшая часть этой Души, ее интеллигенция, которую вы, Саша, так любите... Но мы, коллеги, наблюдаем некий прогрессирующий интеллигентский диабет при старческих лености, брюзжании и зависти... И постоянно тошнит. Пока не рвет, а именно мутит и подташнивает. От всего якобы научного и, дескать, художественного, которое тебе преподносят... Печень, похоже, уже не выдерживает, и другие органы сознание нам затуманивают... Модернизм в свое время толкнул нас к пьянству. На смену ему пришел российский постмодерн и принес за собой наркотики... Да, да, представьте себе, молодой человек! – воскликнул Сенявин, торжествуя глядя на Трулля. – Каждый год 70 тысяч человек умирают от алкоголизма и 30 тысяч от передозиров-

ки... И почти никакой надежды на то, что в медицине называется регенерацией. Талантливая молодежь уезжает из России. И эта интеллектуальная утечка намного страшнее утечки капиталов. В Лондоне – 300 тысяч русских, в маленьком Брюсселе – около 30 тысяч, в Германии – миллионы, в американской Кремниевой долине – около 100 тысяч специалистов – лучшие и молодые наши мозги. По последним данным, 75 процентов наших студентов мечтают закончить свое образование за границей, и большинство их не собираются возвращаться на родину. Некоторые уже ставшие известными научные эмигранты откровенно заявляют, что если бы они в свое время не уехали за границу, то ни за что бы не сделали своих открытий. Потому как в России – ни приборной базы, ни реактивов, да и интеллектуальная среда деградировала, ибо уехали самые востребованные и самые активные... То есть к двигательному паркинсонизму придется прибавить душевную отсталость.

– А что ждет тех, кто остался? – спросил Профессор и нахмурился. – В это юное и творческое будущее в других странах громадные деньги вкладывают, справедливо считая такие капиталовложения самыми эффективными. Мы тоже вкладываем, но гроши и часто на ветер... Умолчу о том, что у нас очень мало полнокровных, образованных и нравственных семей. Скажу лишь, что именно в них, в таких семьях, происходит зарождение и прорастание всяческой духовности, которую, если она там не родилась и не вызрела, потом

никакой школьной мичуринщиной не привьешь... Умолчу о пресловутом ЕГЭ и прочих разрушительных якобы реформах образования. Скажу лишь, что ЕГЭ – лишь видимая поверхность того сокрушительного айсберга, который даже самый несокрушимый «Титаник» не преодолеет. Потому что там, в глубине, черти всех кругов ада себе гнездо свили: безденежья, тупоумия, лености, безразличия, зависти, коррупции, детоненавистничества, если есть такое слово.

Труль собирался возразить Сенявину и даже руку поднял. Но Профессора уже разнесло и он не заметил.

– Большая страна! Это же очевидно! – горестно воскликнул Андрей Владимирович. – И, представьте себе, объяснимо! В двадцатом веке слишком тяжелые испытания перенесла наша Россия-Совдепия... А потом в девяностых годах без всякой подготовки нырнула в демократию и так резко из нее вынырнула, что началась кессонная болезнь... Это не я – это один остроумный и наблюдательный человек однажды сказал... К этому теперь добавились обида на всех и ненависть от этой обиды. А эти чувства, как предупреждают врачи, ведут к онкологии. Как у человека, так и у нации всегда вначале заболевает Душа. Отрицательные эмоции материализуются в болезни. Падает иммунная система, которая подавляет раковые клетки...

– Ну, совсем запугали! – воскликнул Труль и сделал испуганное лицо.

– Еще не совсем, Саша, – возразил Профессор и посмот-

рел сначала в сторону шкафчика, а потом в сторону Драйвера. Но тот сидел у штурвала, вкопанный в кресло.

– Другое страшнее, – обиженным тоном стал пояснять Сенявин. – Мы так долго, более семидесяти лет, были Советским Союзом, что, положив руку на сердце, я вполне могу вас спросить: вы уверены, что мы после этого остались Россией? А вдруг мы лишь один Союз на другой Союз поменяли – Российский? Или вместо Союза стали теперь Федерацией... Ключевский еще в начале прошлого века записал: «России больше нет: остались только русские!..» Стало быть, Россия уже тогда утратила свою, как сейчас стало модно выражаться, *национальную идентичность*? Русские остались, а России не стало.

– Вы сами себе противоречите! – решительно заявил Телеведущий. – Вы недавно, в другой вашей лекции, в «Житии России», упомянув героический подвиг нашей страны в Великой Отечественной войне и ее достижения в космосе, называли ее Россией, хотя и переименованной.

– Возможно, Ключевский действительно поторопился, – тем же обиженным тоном согласился Профессор и снова посмотрел сначала в сторону шкафчика, а потом в спину Петровичу. – Но вы глубину мысли не оценили. Сначала страна и ее граждане меняют самоназвание. Затем начинает меняться и национальный язык... Я не случайно использовал слово «идентичность». Оно ведь нерусское. Но им теперь только и пользуются, говоря о нашем национальном самосо-

знании и самочувствии. И сколько таких нерусских, английских, точнее, американских, чужих слов и словечек пролезло внутрь нашего «великого и могучего», укоренилось там благодаря своей примитивности, пустило ростки-метастазы в родные понятия и русские глубинные смыслы, их обесцвечивая и вытесняя из нашей речи, нашей мысли... Неужели не обращали внимания, что с каждым годом люди все хуже и хуже говорят по-русски. А молодежь наша чем-то напоминает Эллочку Людоедку...

– Хо-хо, профессор! – радостно откликнулся Трулль. – Наши парниши понятия не имеют, кто такая эта жуткая Людоедка. У них вся спина белая.

– *Белая спина?*.. О чем вы? Я не понял... Почему, собственно, белая?

– Еще раз: хо-хо!.. Это ж одно из фирменных выражений той же Элочки. Запомнили?.. Означает – «шутка».

Профессор насупился и некоторое время тяжело и мутно глядел на Ведущего. А потом:

– Ну да, «спина белая», «шутка»... Но когда, милый вы мой, на твоих глазах медленно, но верно, умирает то, что является стержнем, спинным мозгом этой самой треклятой самоидентичности... А вокруг роятся, побудипобуздашничают, селятся, прописываются, размножаются те, кого Тойнби именовал «внешними варварами» и которые быстро становятся «внутренними варварами»... Не стану перечислять эти национальности, дабы, не дай бог, не погрешить против

толерантности и политкорректности... опять-таки чужие слова и не наши понятия!.. Скажу лишь, что у них, у этих нерусских наших гостей – и очень скоро сограждан – с иммункой и идентичностью как раз всё в порядке: у них есть три священных столпа, вокруг которых вращается их повседневная жизнь. Эти столпы: твердая в массе религиозная вера, с материнским молоком впитанное почитание семьи и старейшин и нежное отношение к своей народности и своему языку... Мы, русские, им в этом трижды проигрываем. Они нас, Саша, быстро сожрут. Быстрее, чем мы с вами считываем.

– Позвольте, Андрей Владимирович, – начал Труль. Но Профессор ему не позволил:

– А тут еще с востока – китайцы! У нас на Дальнем Востоке проживают приблизительно шесть миллионов человек. А в пограничном северном Китае – сто десять миллионов! И шестьдесят миллионов корейцев – в Северной и Южной Корее. У нас во всей российской Азии с трудом наберется тридцать с полтиной миллионов. А в остальной Азии – четыре миллиарда человек! И территории у нас приблизительно равные! Эту «собаку на сене», то есть нас с вами, они рано или поздно обязательно слопают. Они ведь любят собачину.

– Профессор, я только хочу... – вновь попытался Ведущий. И снова Сенявин его перебил:

– Знаю, знаю, как вы хотите мне возразить. Что, дескать, сколько мощных и злобных врагов нас пытались сожрать

и только зубы о нас обломали. Но, во-первых, мы теперь уже старые. По моим подсчетам, России... или тому, что от нее осталось... скоро шестьдесят восемь лет исполнится. Во-вторых, как я вам докладывал, болезни наши давно развиваются и ныне достигли критической остроты. После той страшной операции, которую Россия перенесла в прошлом веке, она однозначно не переживет новое оперативное вмешательство, если какой-нибудь горе-хирург на это ее обрежет. Лечить же ее неагрессивно, терапевтически, как я понимаю, во многих отношениях бесполезно и безнадежно. И прежде всего потому, что она сама не желает лечиться. Ей нравится быть больной.

Русский человек лелеет свои болезни и ими гордится... Ну, а теперь возражайте. Я, кажется, все вам сказал, – заключил Андрей Владимирович, подошел к шкафчику и налил себе новую рюмочку.

– Я пока не хочу возражать, – улыбнулся Труль. – У меня к вам пара-тройка вопросов. И первый: а Сердце никак не может помочь России? Там, где у вас верующая часть нации.

– *Истинно* верующая, – уточнил Андрей Владимирович.

– Пусть будет *истинно* верующая, – поспешно согласился Александр.

– А вы... вы, хотя и называете себя атеистом... вы... внима-а-тельный слушатель, – наконец нашел нужное слово Сенявин, поставил рюмку, досадливо покосился на Драйвера и стал откупоривать бутылку с пивом.

– Их слишком мало истинно верующих, которые в Сердце, – отвечал Профессор. – В русской Душе – миллионы тех, которые называют себя верующими и православными. Но их родителей, дедов и прадедов слишком долго заставляли не верить, и они теперь не скоро научатся. Потому что истинная вера обязательно наследуется, как светильник, передается из поколения в поколение, от отца к сыну, от матери к дочери. И если этот светильник задуть, выбросить и над ним надругаться – ты его долго потом не сможешь снова зажечь, хотя, вроде бы, в церковь ходишь, исповедуешься и причащаешься, посты соблюдаешь... Это во-первых. А во-вторых, истинно верующие «не от мира сего». Они светской, обыденной жизни избегают, в экономику и в политику не лезут. Они нашей великой больной только одним могут помочь: каяться за нее нераскаянную и молиться о том, чтобы Отец наш Небесный простил ее, престарелую блудную дочь Свою и прелюбодейную невесту Христову, во Царствие Свое принял ее, когда она наконец отмучается и преставится. При жизни, в телесной жизни своей, она к Нему не сумеет вернуться.

Профессор откупорил бутылку и стал наливать пиво. И вдруг воскликнул:

– Разве что!.. – Он не докончил, так как пена рванула вверх по стакану, и Андрею Владимировичу пришлось ее несколько раз отхлебнуть, чтобы она не пролилась на столешницу.

– Разве что чудо произойдет, – договорил Сенявин, совла-

дав с пеной, – и случится то, о чем мечтал митрополит Алексий, современник Сергия Радонежского. Он путь к возрождению Руси видел в оцерковлении Власти. Чтобы не церковь унилась до государства, становясь его послушным придатком, а наоборот: государство возвысилось до церкви, сначала до земной, а затем до Небесной!.. Чувствуете разницу?

– Еще как чувствую! – радостно откликнулся Трулль. – И даже могу представить, как это будет выглядеть.

– Как всегда, шутите?

– На полном серьезе! У нас, у телевизионных, богатое воображение. И я живо представил себе, как президент в «Прямой линии» обращается к народу на церковнославянском языке. Как Государственная дума принимает закон о возврате к нашему старому, древнерусскому, вернее, юлианскому календарю. Как каждое заседание правительства начинается с коллективной молитвы. Вот только не знаю какой: с «Отче наш» или с «Верую». И все старательно молятся: председатель правительства, его заместители, министры, в том числе силовые...

Произнеся это, Александр подумал: «Сейчас он мне вмажет!»

Однако Профессор даже не оглянулся на Трулля. Он аккуратно, по стеночке, долил теплое пиво в стакан. А потом произнес:

– Понял вас. Чуда не произойдет.

Помолчали.

– И вы это все, что нам сейчас рассказали, прочли студентам? Второй мой вопрос, – спросил Телеведущий.

Левой рукой Андрей Владимирович стал оглаживать стакан с пивом, а правой – рюмку с водкой.

– Да, примерно так, как сейчас, – задумчиво отвечал Профессор. – Но никто меня не перебивал... И про Сердце я им не говорил. Потому что они у меня почти все неверующие... А когда несколько студентов после лекции накинулись на меня и стали просить, чтобы я назвал им примерный срок гибели России, и, может быть, в две тысячи шестьдесят втором году нас это ожидает, если взять цифру в тысячу двести лет, которую мы находим у некоторых историков... На эти вопросы я им твердо ответил, что некоторые государства живут и процветают и две, и три тысячи лет – Китай, например...

– Ну и последний вопрос, – объявил Ведущий. – Вы сами признались, что вас... вас *уволнили* из университета... Вы даже грубее выразились... Как это произошло? – Лицо у Ведущего сияло и голос был радостным.

Профессор перестал оглаживать рюмку со стаканом, насмешливо глянул на Трулля и возразил:

– Послушайте, господин телеведущий. С вашим телевизионным опытом и мастерством вы разве не могли изобразить на своем прекрасном лице какое-никакое, но хотя бы сочувствие к пострадавшему человеку?.. Поучились бы у своего коллеги, Васеньки Ирискина, который, когда подводит свое-

го собеседника к особенно болезненному моменту в его биографии, изображает на своем детском личике вдохновенное сострадание, слезы в глазах у него набухают...

– Андрей Владимирович, наш дорогой! – еще радостнее воскликнул Александр – Во-первых, я не Ирискин и мне далеко до его мастерства. А потом вы же сами вчера объявили, что больше всего на телевидении вас возмущают притворство и лицемерие...

Сенявин хмыкнул, прищурился на Ведущего и спросил:

– А сами вы будто не догадались, *Александр Александрович наш дорогой?*

Трулль мгновенно ответил:

– Кажется, да, догадался. Но ведь всегда хочется проверить версию... Очевидно, что вас заманили в ловушку. Подозреваю, что это был ваш студент под оперативным псевдонимом Иванов.

– Bravo! С «оперативным псевдонимом» почти угадали. Отец или дядя этого якобы Иванова служит в каких-то очень важных органах. Мне на это намекнули, когда я несколько раз не поставил ему зачет... Но я же говорю: мы с этим Ивановым наладили отношения и на экзамене ему ничего со моей стороны не угрожало... Это могли сделать и Петров с Сидоровым. Представьте себе, от восхищения! Они ни одной моей лекции не пропустили и записывали, я видел, на диктофон... И, в сущности, любой другой...

– А что все-таки *сделали*, Андрей Владимирович?! – лас-

ково, но нетерпеливо перебил Профессора Александр.

– Я не сказал?.. Простите, я думал, вы догадались... Кто-то выложил эту мою последнюю лекцию в Интернет. Имени своего не указал. Но снабдил пояснением: «Профессор Андрей Сенявин ставит смертельный диагноз и предрекает гибель России в 2062 году»... Повторяю: не знаю кто так на свинячил и из каких побуждений. Но тысячи посещений, Саша! И всё почти лайки!

– И скоро вас вызвали к ректору? – спросил Трульль.

– Не только меня, но и моего декана, и моего заведующего кафедрой. Я преподаю... виноват, теперь, наверное, преподавал... на кафедре всеобщей истории.

– И объявили об увольнении? – спрашивал Ведущий.

– Хитрее, Саша, хитрее. Вернее, лицемернее. Ректор начал с того, что он лично и весь коллектив меня глубоко уважают и высоко ценят как образованнейшего ученого-историка, вдумчивого аналитика, самобытного исследователя и замечательного преподавателя, любимца студентов, лидера ежегодных студенческих рейтингов и так далее и тому подобное... Я, было, решил, что они собираются выдвинуть меня на правительственную награду или по меньшей мере на место заведующего кафедрой, того, кто сидит рядом, молчит и кивает... Но, прочтя этот панегирик, ректор перешел к анализу моей именно *самобытности* и напомнил, что со стороны университетского руководства мне не раз делались предупреждения о том, что в гуманитарных науках в целом

и в исторической науке в частности «существует правило золотой середины» – так он сформулировал. И, дескать, это древнее правило особенно бережно надо соблюдать, когда говоришь со студентами, с душами молодыми и метущимися, которых не только обучать надобно, но и воспитывать, нравственно наставлять, учить мыслить правильно и позитивно... Всё это его, ректора, с позволения сказать, формулировки... Я же это правило, это гиппократово «не навреди» якобы несколько раз довольно рискованно нарушал. На что мне указывалось как заведующим, так и деканом.

– Вы в СПГУ служите? – быстро спросил Александр.

– В другом, но тоже известном и престижном университете, – с мимолетным неудовольствием ответил Профессор, поморщился и весело продолжал: – Стало быть, предупредали, а я снова нарушал. Но мне это все до поры до времени сходило с рук... Нет, ректор не так выразился. «За талант и оригинальность, – сказал он, – всегда приходится платить. Мы это прекрасно понимали и, как могли, защищали вас, нашу гордость и наше научное достояние... Но то, что вы теперь сотворили, – продолжал он, – уже ни в какие ворота не лезет! Из ряда вон! Вопиюще! Голова кругом!» Он еще несколько таких восклицаний сделал и впрямь схватился за голову... Поскольку наступило молчание, я сказал, что если имеется в виду публикация в Интернете, то это не мое «сотворение», а кто-то из студентов напроказил и выложил... Ректор держался за голову, молчал, и вместо него ответил

мой заведующий кафедрой: «Это еще хуже, Андрей Владимирович! Еще страшнее!» – «Чем же?» – любопытно спросил я... На этот раз мне ответил декан: «Тем, что студенты, *ваши* студенты, похоже, разделяют ваши воззрения. Вы их в них насадили». – «Спасибо, что сравнили меня с садовником, – поблагодарил я. – Всегда считал это самым удачным определением учителя. Но позвольте, коллеги, все данные, которые я привел в своей лекции, были опубликованы в печати или на телевидении. И уж, поверьте, никогда я не утверждал, что Россия умрет в 2062 году! Это действительно *из ряда вон и голова кругом!*» – «Но вы эти данные так угрожающе сгруппировали и медицину к ним приплели!» – воскликнул заведующий... Тут ректор уронил руки от головы, так что они ударились о стол, возвел очи горе и взмолился: «Господи! Не понимает!.. Ужасно, что вы зачитали этот злосчастный диагноз сейчас, в мае, сразу же после выборов и указов! Вопиюще, что он так или иначе попал в Интернет! И теперь мне телефон обрывают и спрашивают: что у вас происходит? Какие, простите за выражение, лекции вы читаете вашим студентам, будущим педагогам? Вам надоело жить по-человечески?.. Из Смольного два раза звонили. И вот-вот, ожидаю, позвонят из Москвы!.. Вы понимаете, уважаемый, в какое положение вы поставили и себя, и ваших коллег, и весь университет?.. У нас меньше чем через год итоговая аттестация!»

– Ректор у нас когда-то несколько лет учился в ЛГИТМИ-

Ке на театральном. Потом оттуда то ли сам ушел, то ли ушли его, – как бы между прочим сообщил Андрей Владимирович и продолжал: – Воззвание свое он закончил весьма впечатляюще. «Себя вы, дорогой Андрей Владимирович, как я вижу, не жалеете. Вы из тех людей, для которых истина, вернее, их собственное представление об истине, дороже всего на свете, и пусть, как говорится, рухнет свод небесный. Но мы-то, ваши руководители, формальные, разумеется, потому что такими, как вы, только Бог может руководить... мы-то – люди трезвые и скромные, знающие свое место, так сказать, мещане от науки. А вы человек, я знаю, добрый и сочувствующий. Пожалейте нас, Христа ради! Напишите заявление об увольнении по собственному желанию. Мы вас душевно проводим, хорошие рекомендации дадим. Молиться за вас будем. За ваш талант. За ваше мужество и самоотверженность»... Я ответил, что собственного желания уходить у меня не имеется, но я подумаю... Ректор вышел из-за стола, сердечно пожал мне руку, проводил до двери и у порога тихо сказал, почти шепнул на ухо: «Подумайте. Обязательно подумайте... Но, если не надумаете, у вас в конце года истекает договор. Сомневаюсь, что вас изберут на следующий срок. Не любят вас. Завидуют сволочи. Вашему таланту завидуют... И тут уже, ясное дело, без похвальных рекомендаций»... Нет, все-таки, думаю, сам ушел из театрального и отправился по комсомольской линии... Ну, за талант мой, господа, если вы не будете возражать!

С этими словами Профессор осушил рюмку и стал запивать пивом.

– Вы заявление уже написали? – поинтересовался Ведущий.

Сенявин, не отрываясь от стакана, покачал головой.

А Драйвер вдруг подал голос:

– Сволочи! Гады и сволочи! Ректор ваш сволочь. И студенты гады ползучие! Такого профессора, такого умника!.. Да будь я ректором вашего сраного университета, я бы вас!.. – С этими словами Петрович выскочил из-за руля, повернулся к Сенявину и вытянул вперед обе руки: – Я бы вас на руках носил! Вот так! От всех защитил! Бляди немытые!

Профессор сначала нахмурился, потом расхохотался. И вместе с ним засмеялся Ведущий. Похоже, оба живо представили, как маленький тщедушный карел будет носить на руках высокого, широкоплечего и тяжелого Андрея Владимировича.

Отсмеявшись Сенявин допил пиво, сел на скамью и сказал:

– Похоже, теперь на все ваши вопросы ответил.

Драйвер вернулся за руль.

Трулль влюбленно смотрел на Сенявина и думал: «Сколько же он может выпить? Ни в одном глазу... Разве что глазки мутными стали».

Помолчали.

Тут Митя закашлялся. А когда кончил кашлять, сообщил:

– Вот видите, глаза открыл и сразу же началось... Но хочу вам сказать. Нации не умирают. Они – часть единого человечества. Они по своим склонам Великой Горы, Западному, Южному и Восточному, своими путями, или дорогами, или тропами восходят к вершине. На всех путях есть... их по-разному называют: ступени, станции, стоянки; историки называют периодами. Но мне больше нравится суффийское слово «макамы». И движутся, собственно, не нации, а то, что немцы, наверное, назвали бы гештальтами, а греки – эйдосами.

Потягивая пиво, Сенявин покосился на Соколыцева, поморщился и спросил:

– Вы это к чему? Я что-то совсем не понял.

– Эти эйдосы, или образы, – невозмутимо продолжал Митя, – постоянно меняются. Или преобразуются. Точнее сказать, претерпевают метаморфоз... И этот метаморфоз происходит в них постоянно, а не только при смене их возраста или на переломных моментах истории.

Тут Профессор скривился, как будто откусил от лимона.

– Поэтому и говорю, нации не умирают, – вещал дальше Соколыцев. – Тем более такие великие, как Россия. Пере рождаются – да. И смешиваются на перекрестьях, иногда до неузнаваемости меняя свой внешний образ. Но их эйдос живет. Как живет в нас и в других народах образ Древней Эллады, или Древнего Рим, или Древнего Вавилона. У каждого эйдоса – своя судьба и своя карма. Но своя единая карма

есть и у человечества...

– Ну, наконец-то, Дмитрий Сергеич! – перебил Профессор, вновь путая Митино отчество. – Я жду – не дождусь, когда же про карму будет. А вот и она, родненькая, буддистская наша!

Лицо у Сенявина разгладилось, а сам он откинулся на мягкую спинку сиденья и блаженно закрыл глаза.

Митя закашлялся.

И тут же воспользовался моментом Телеведущий. Похоже, он ожидал, когда Соколыцев умолкнет.

– Мне тоже хотелось бы вам не то чтобы возразить, а, скорее, прокомментировать. Если вы, разумеется, не побрезгуете моими дилетантскими рассуждениями.

Профессор молчал, улыбался и глаз не открывал.

– На руках вас носить не стану, потому что не подниму да и вы не позволите. Но, будь я свободным издателем, я бы все ваши лекции, особенно о житии России и ее сожителях, я бы немедленно отправил в печать и прорекламировал так, что книга тут же стала бы бестселлером. Лишь пару-тройку моментов я бы попросил вас мне разъяснить. Начнем с возраста нашей всеобщей матушки. – Трулль заглянул в свой смартфон, на котором, похоже, производил расчеты. – Вы этот возраст, насколько я понял, установили, исходя из пресловутых тысячи двухсот лет. Вы их сами же потом опровергли, сославшись на китайский пример. Но России семнадцать, так сказать. исторических лет на один биологический год поло-

жили. И теперь она у вас выходит совсем старая и так далее, и так далее... Но почему семнадцать, а не двадцать, не двадцать пять? Ведь ежели по двадцать пять вычислять, то получается: под монгола Русь попала в шестнадцать, освободилась от ига примерно в двадцать четыре, Петр ее себе подчинил тридцатитрехлетнюю, Гитлера она разгромила в сорок три года... Ну и сейчас, я прикинул, нашей любимой России будет не шестьдесят восемь, а всего... да, сорок восемь лет. Как приблизительно вам должно быть. А вы ведь – в самом расцвете сил! Не так ли?

Профессор глаз не открыл, но бровью слегка повел.

Митя уже кончил кашлять и хотел что-то сказать.

– Погодите! Я не закончил! – решительно, хоть и улыбочиво предупредил его Труль, отложил смартфон и продолжал: – И возраст-то ведь, как вы говорите, *биологический*. А биологические возрасты у разных... у разных живых организмов разные. Один, скажем, у кашалота, другой у хомяка и так далее, и так далее... А если мы возьмем с вами растения. Например, самых долгожителей – белые американские сосны. Или лучше наши родные, то есть греческие маслины. Они, говорят, вообще бессмертны. У них из корней вырастают как бы новые деревья, их как бы клоны.

Александр встал и стал прогуливаться по катеру, от мотора к рулевому сиденью.

– И если вы непременно настаиваете, – радостно говорил он, – что Русь – Русский Улус – Московия – Российская им-

перия – Советский Союз – все это один и тот же типа национальный организм, а не различные государства или нации, то я позволю вам возразить: с Рюриком и Рюриковой династией меня как бы психологически мало что связывает. Я даже языка их не понимаю! Вы же сами сказали: язык – это стержень, спинной мозг моей идентичности... С Петром мне намного комфортнее. Хотя тоже слегка заморачиваюсь, читая его указы. И совершенно кайфово с Пушкиным!.. Окей, давайте с Петра начинать. При нем возникла наша великая империя. При нем стал зарождаться великий русский язык! И значит, та страна, в которой мы сейчас имеем счастье – и честь, великую честь! – «жить и чувствовать», родилась не в дремучем средневековье, а с Петром Великим. И тогда... тогда даже с вашими семнадцатью годами на один биогод выйдет, что нам тепереча... навскидку, профессор, навскидку... эйн, цвей, дрей – всего восемнадцать лет! И вся жизнь впереди, Андрей Владимирович!

Труль остановился и посмотрел на Профессора. Но тот безмолвствовал, как народ у вышеупомянутого Пушкина. Глаза по-прежнему были закрыты, лицо улыбалось, но бровь опустилась.

– Генетика у нас, я согласен, давайте скажем тяжелая. Про прабабушку нашу Русь не знаю и врать не стану. Что же касается подмонгольской нашей бабули и византийской нашей родительницы – да, хлебнули и здоровье себе попортили. Оно, может, нам и аукается... Но Россия, «великая наша

держава», во-первых, как мы только что выяснили, не старая, а молодая – меньше чем на сто лет старше Америки. И потом... Вы же сами нам рассказали. Три великих полководца – Карл Двенадцатый, Наполеон и Гитлер – со своими лучшими в мире армиями пытались нас уничтожить! Но мы только сильнее и могущественнее стали от этого: империю создали, лучшая в мире литература у нас расцвела, в космос первые полетели... Вот она, наша Крепость, о которой вы говорите, что она у нас якобы поломалась... Ее еще, помнится, Некрасов воспел – «Терпением изумляющий народ»... *Терпение* – вот наша иммунная система. Никто так терпеть не умеет, как мы!

Ведущий снова остановился напротив Профессора. А тот глаз не открыл и перестал улыбаться.

– Нам никакие болезни не страшны!.. Тем более что вы, дорогой профессор, их явно преувеличили. Такое, я знаю, практикуется, так сказать, некоторыми докторами. Больного специально запугивают, чтобы он не отваливал от лечения. Типа: если сегодня не ляжете, то завтра помрете... Так и у вас в вашем диагнозе. Честное слово, некоторые цифры, которые вы приводите – полу-, а то и явно фейковые. Не знаю, где вы их нарыли. У нас сейчас полный бусырь со статистикой... И не сердитесь – слишком уж пахнет формалином в вашей, так сказать, исторической смотровой. Как в морге, Андрей Владимирович... Только поймите меня правильно! Я согласен с Петровичем. Вы – гений. А ректор ваш – бздун.

Но, положив руку на сердце, с вашим талантом, с вашим-то красноречием...

Ведущий не договорил. Потому что услышал, что Профессор посапывает. Глаз не открыл и будто похрипывает. И когда это похрипывание превратилось в похрапывание, Труль догадался, что Сенявин уснул.

«Ё-моё! Он заснул. А я перед ним стараюсь, красивые слова для него подбираю!» – подумал Ведущий. Он подмигнул Мите, осторожно ступая, подошел к Драйверу и, усмехнувшись, воскликнул, впрочем, негромко:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.